

АЛЕКСАНДР БЛОК

*Стихотворения
и
поэмы*

АЛЕКСАНДР БЛОК

Стихотворения и поэмы

МИНСК «НАРОДНАЯ АСВЕТА» 1980

Текст печатается по изданию:

А. Блок. Собр. соч.: В 8-ми т.— М.— Л., 1960.— Т. 1—3.

Комментарии Вл. Орлова печатаются по изданию: А. Блок. Стихотворения и поэмы.— М., 1975.

Блок А.

Б 70 Стихотворения и поэмы/[Вступ. статья А. Жакова].— Мн.: Нар. асвета, 1980.—191 с.

75 к.

В сборник включены произведения А. Блока, написанные в разное время (с 1898 по 1921 г.). Они расположены в хронологическом порядке и отражают творческий путь поэта, его искания.

Кроме стихотворений, в книгу вошли поэмы «Двенадцать», «Соловьиный сад» и извлечения из поэмы «Возмездие» («Когда ты загнан и забыт...», «Народ и поэт», «Возмездие», «Даа века»).

70803— 008
Б М 303(05)—80 250—80 4702010200 ББК 84Р7

Р2

© Вступительная статья, издательство «Народная асвета», 1977.

© Вступительная статья, оформление, издательство «Народная асвета», 1980.

О ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Творчество Александра Александровича Блока (1880—1921) явилось соединительным звеном между русской классической поэзией XIX века и новой, советской поэзией. Судьба поэта была во многом необычной и поучительной: принадлежа к дворянской интеллигенции, он осознал историческую обреченность буржуазного строя, перешел на сторону народа, приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Начало поэтического пути Блока было связано с символизмом — одним из декадентских течений в русской литературе конца XIX — начала XX века, возникшим на идеалистической философской основе. При всей неоднородности этого сложного явления его сущность заключалась в противопоставлении реальному миру мира идеального, якобы постигаемого с помощью символов, способных выявить тайную сущность бытия. В реалистическом искусстве символ служит средством художественного обобщения, типизации жизненных явлений. Символические образы мы находим в творчестве Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Чехова, Горького, Леонова, Шолохова и многих других писателей.

Символисты же создавали отвлеченные, мистические символы, намекающие на связь человека с потусторонним миром, не содержащие обобщений и понятные лишь немногим.

В кругу символистов Блок занимал особое положение: он не был проповедником религии, крайнего индивидуализма, культа смерти, сознательного ухода от действительности, разрыва с классической традицией и увлечения чисто формальными экспериментами. Но он разделял с ними некоторое время идеалистические представления о нравственно-религиозном перерождении общества, о пришествии на землю «Вечной Женственности», «Мировой Души», о спасении мира красотой и т. д.

Влияние символизма сказалось в «Стихах о Прекрасной Даме» (1901—1902), которые носили субъективный, созерцательный характер. Это были вариации на тему идеальной, неземной любви и рыцарского поклонения поэта Прекрасной Даме, выступавшей в таинственном облике Светлой Девы, Золотой звезды, далекой души, желанной подруги, волшебницы и пр. В этих стихах были Он и Она, обитающие в условном, отрешенном от жизни и людей мире. В них преобладали отвлеченные, туманные, зыбкие образы, выражавшие смутные и хаотические настроения поэта. Он использовал набор готовых эпитетов (лазурный, лучезарный, туманный, несказанный и т. д.), метафор и символов (тьма, свет, почь, день, рассвет, закат), обозначавших душевное состояние лирического героя.

От стихов о «Прекрасной Даме» до «Двенадцати» поэт прошел большой и сложный путь. Его творческое развитие определялось борь-

бой реалистических тенденций — символистской отвлеченностью и субъективизмом. И содержание, и поэтический строй стихов изменялись по мере сближения поэта с действительностью. Уже в ранний период он пробивался сквозь мистические туманы и грезы к выражению подлинных человеческих чувств и переживаний. Его лирика все более и более проникалась осознанием обреченности буржуазного мира, тревожными предчувствиями грозных катастрофических событий («За краткий сон, что ныне снится...», «Гамаюн, птица вещая», «Все ли спокойно в народе?»).

В стихотворении «Фабрика» (1903) впервые в творчестве Блока зазвучал мотив социального неравенства. Поэт был далек от понимания сущности классовой борьбы, поэтому хозяева и рабочие показаны еще не реалистическими, а символическими средствами: «И глухо заперты ворота. А на стене — а на стене Недвижный кто-то, черный кто-то Людей считает в тишине... Он медным голосом зовет Сognуть измученные спины Внизу собравшийся народ». Символический, несколько мистифицированный образ некоего чудовища, вроде Молоха, с «медным» голосом, согнутые спины безликих рабочих, вечерняя тишина, желтые окна, в которых хозяева смеются над обманутыми нищими, — вся эта картина благодаря мрачному колориту и ощущению недосказанности, таинственности происходящего производила сильное впечатление, заставляла задуматься над противоречиями жизни.

Большое влияние на творчество Блока оказала первая русская революция 1905 года. В ряде стихотворений он выразил сочувствие пролетариату и ненависть к буржуазии, к «сытым», обремененным тем, что «опрокинуто корыто, встревожен их прогнивший хлеб», недовольство половинчатостью буржуазных свобод («Поднимались из тьмы погребов...», «Шли на приступ. Прямо в грудь...», «Барка жизни встала...», «Сытые», «Вся над городом всемирным...» и др.).

Революция пробудила Блока от мистических снов, столкнула с жизнью, ее земными делами и заботами. Период между 1905 и 1918 годами был самым плодотворным в его творчестве. В эти годы расширяется тематика поэзии Блока, в ней выражают и утверждаются элементы реализма, углубляется связь с реалистическими традициями русской классической литературы. На протяжении этих лет Блок пересматривает свои взгляды на искусство.

Одной из важных тем его творчества в период революций становится тема города. Стихотворения этой тематики собраны в цикле «Город» (1904—1908). Здесь показаны страдания обездоленных людей, обреченных на «тяжкий труд проклятья», на нищету («Из газет», «Повесть»), создан образ неудачника, «чердачного жителя», от имени которого написаны стихотворения «На чердаке», «В октябре», «Окна во двор», «Хожу, брожу понурый...», «Холодный день» и др. В стихотворениях о маленьких людях и их заботах Блок продолжил Некрасовскую демократическую традицию. В ряде стихотворений, посвященных Петербургу, он обнажил социальные противоречия и контрасты капиталистического города. Городская тема трактуется им отчасти как тема серого и скучного обывательского существования, которому противопоставляется романтическая мечта, природа, вольная стихия. Это ощущается в цикле стихотворений «Вольные мысли» (1907), содержащих философские раздумья о жизни и смерти, сатирические характеристики обывателей, прекрасные пейзажные зарисовки, в которых звучит «высокий гимн о том, как ясны зори, как стройны сосны, как вольна душа». Написан цикл широко, свободно,

превосходным белым стихом. В нем проявилась удивительная наблюдательность и зоркость поэта. В поле его зрения и погибший на скачках жокей и рабстающие на набережной грузчики, и играющие дети, и прогуливающиеся по берегу озера пары, и «затянутый в китель офицер», и праздные дачники на морском побережье.

В стихотворении «В северном море» скопичу «гуляющих модниц и франтов», прозвучности их облика противопоставлена величественная и тревожная картина заката над морем:

А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча
В предсмертном гнѳе мечет из очей
То красные, то синие огни.

Моторная лодка проносится мимо человеческого муравейника и вырывается на вольный морской простор. И здесь, и в ряде других стихотворений («Голос в тучах», «Оставь меня в моей дали», «Крылья», «Уже над морем вечерѳет...», «Ты поминишь? В нашей бухте сонной...») морская стихия, образы кораблей, горящих маяков противопоставляются серым будням. Поэт стремится преобразить низменный быт силой возвышенной романтической мечты.

Романтической мечтой о прекрасном проникнуто известное стихотворение Блока «Незнакомка» (1906).

Столкновение поэзии с прозой жизни подчеркнуто смысловым делением стихотворения на две части, контрастной лексикой — бытовой и романтически-возвышенной. Сначала: «пыль переулочная», «скука загородных дач», «лакеи сонные», «пьяницы с глазами кроликов», затем: «берег очарованный и очарованная даль», «очи синие бездонные». В первой половине стихотворения подробной детализацией, повторам, перечислениями поэт сознательно нагнетает ощущение скуки, однообразия, пошлости обывательской жизни. На этом фоне чудным видением возникает Незнакомка, возвышающаяся над будничной мещанской обстановкой, таинственная, загадочная («И веют древними поверьями ее упругие шелка...», «Девичий стан, шелками схваченный, В туманном движется окне...», «Дыша духами и туманами, она садится у окна...»). Незнакомка, как призрак, возникает на зыбкой грани реальности и фантазии («Иль это только снится мне?»). В такой «недопроявленности» образа заключается его прелесть и очарование, сила эмоционального воздействия. Он воспринимается как символ отрешенной, неземной красоты и чистоты. Стихотворение «Незнакомка» может служить примером фонетической организации стиха. Прочитайте стихотворение вслух с седьмой строфы до конца, и вы увидите, как последовательно сменяются и поют здесь гласные *e* — *a* — *y* — *o*: и веют древними поверьями; закованный — вуаль — даль; глухие — поручены — души — излучины; в моей — сокровище — поручен только — пьяное чудовище.

Музыкальность — одно из отличительных качеств поэзии А. Блока.

Вслушаемся внимательно в звучание первых строф стихотворения «Дым от костра струѳет синѳой...»:

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари — покрыл меня.

Все, все обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

В этом стихотворении, написанном в интонациях романса, музыку стиха создают сближения одинаковых слов (алый — алой, крестом — крестом), одинаковых групп согласных (костра — струею — струится), мастерскими аллитерациями. Например, первая строка второй строфы держится на звонком согласном *м* (обман — седым туманом), во второй строке появляется аллитерация на глухой *п* (ползет — печаль), в третьей «играют» сочетания *кр — кр — гр — кл — кр*.

Здесь музыка стиха даже господствует над смыслом. К. Чуковский видел в подобных стихотворениях, выражавших субъективные переживания поэта, «деспотическое засилие музыки», «гениальную звукопись», «опьянение звуками». Действительно, многие стихотворения поэта, в которых он старался выразить невыразимое словом самой мелодикой стиха, находятся на грани поэзии и музыки. «Я не знаю высшего музыкального наслаждения вне самой музыки, чем слушание стихов Блока», — писал композитор Б. Асафьев, отмечая, что «...Блок вносил в свою поэзию понятное только музыкантам, неуловимое словами, мелодическое (романсное и песенное) напряжение».

В поэзию Блока вторгалась также музыка самой жизни с ее прозаическими интонациями, что в наибольшей степени проявилось в поэме «Двенадцать».

Идеалом поэта было гармоническое единство человеческой жизни и природы, которое он называл «мировым оркестром». Этой музыке бытия он противопоставлял «антимузыкальность» буржуазной и мещанской жизни, используя в музыкальном строе своей поэтической речи диссонансы, звуковые контрасты, резкие, раздражающие звуки.

Большое место в поэзии Блока занимает тема любви. Она проходит в разных вариациях через «Стихи о Прекрасной Даме», циклы «Снежная маска», «Фаина», «Через двенадцать лет», «Кармен». Блок воспел рыцарское служение женщине, светлые озарения и вдохновения любви. В женщине он всегда видел нечто неземное, идеальное, сравнивал ее со звездой, кометой, снежным костром, стихией, космосом:

Ты — путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

Любовь понималась им как средоточие высшей красоты мира, высшее проявление человечности в человеке, символ жизни, творчества. «Только влюбленный имеет право на звание человека», — сказал он в стихотворении «Когда вы стоите на моем пути». Но трудная личная судьба Блока определила глубоко драматический характер его любовной лирики. Наряду со светлыми жизнеутверждающими мотивами в ней встречаются мотивы страдания.

Одним из шедевров лирики Блока является стихотворение «О доблестях, о подвигах, о славе» (1908), покоряющее глубиной и сдер-

жанностью человеческого чувства, благородным отношением героя к женщине. Здесь обыкновенная земная любовь понимается как самая большая ценность, большая, чем доблести, подвиги, слава.

Любовная лирика Блока — это исповедь сердца, лирический дневник, но в ней отразились бури и тревоги сложного времени, в которое жил поэт.

«Завершая поэтические искания XIX века,— пишет известный исследователь творчества поэта В. Н. Орлов,— Блок создал особый тип лирики, поднимающей большие общественно-моральные и культурно-исторические проблемы, проникнутой острым чувством истории и действительности».

Под влиянием общественных событий личные переживания поэта наполнялись все большим социальным содержанием. После поражения революции 1905 года усиливается критическое, обличительное начало в его поэзии. В цикле стихотворений «Страшный мир» (1909—1916) Блок обращается к сатирическому изображению буржуазного мира с его бездуховностью, пустотой, мертвенностью («Пляски смерти»), пошлостью («На островах», «В ресторане»). Поэт и себя самого чувствует пленником и жертвой «страшного мира», поэтому здесь звучат пессимистические ноты одиночества, тоски, разочарования в жизни («Песнь ада», «Как тяжело ходить среди людей», «С мирным счастьем покоичены счеты», «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» и др.).

В годы реакции с особой силой проявилась противоречивость мироощущения Блока, определившая такую характерную особенность его поэтики, как контрастность. Это контрастность образов (света и тьмы, огня и мрака, дня и ночи), мотивов (жизни и смерти, любви и ненависти, тоски и радости), лексик, художественных приемов. Блок испытывал одновременно «и отвращение от жизни, и к ней безумную любовь», но стремился к цельности и гармонии. Об этом говорит его программное стихотворение «О, весна без конца и без краю» (1907):

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Со щитом в руках поэт, как воин, идет навстречу жизни с ее радостями и невзгодами:

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, клая и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

Блок считал, что, несмотря на все трудности и беды, жизнь в сущности прекрасна: «Сотри случайные черты — и ты увидишь: мир прекрасен».

В мрачные годы реакции Блок сохранил веру в творческие силы народа, в его способность к борьбе, в нем он видел спасение от «страшного мира». В отличие от тех декадентов-символистов, которые проклинали и презирали народ, предсказывали гибель России, Блок верил в ее бессмертие, в ее великое будущее, призывал интеллигенцию к сближению с народом.

Вся поэзия Блока — напряженная, мучительная дума о России. Этой теме он посвятил и самостоятельный цикл стихов «Родина»

(1907—1916). Важно, что поэт обратился к поэтическому воплощению образа народной, демократической, крестьянской России. В некоторых стихотворениях («Русь», «Русь, жизнь моя...») показана Россия колдовская, загадочная, таинственная, непостижимая, какой она представляется интеллигенту, мучительно переживающему свою отчужденность от народа. Но затем налет загадочности исчезает — и перед нами возникает крестьянская, полевая, лесная, нищая страна с серыми избами, с расхлябанными колясами дорог.

В русской лирике издавна утвердилось сравнение родины с матерью. Блок же не просто сравнивает — он отождествляет родину с женщиной, и не только с матерью, но и с женой, невестой. В его произведении образ женщины возвышается до символического обобщения России. Так, в стихотворении «Россия» родина предстает в облике женщины-крестьянки в узорном платке. Ее образ сливается с образом природы: «А ты все та же — лес, да поле, да плат узорный до бровей».

В стихотворении «На железной дороге» (1910), которое Блок включил в цикл «Родина», трагическая судьба девушки, бросившейся под поезд, заставляет задуматься о судьбе России. Девушка «в цветном платке, на плечи брошенном, красивая и молодая» — жертва не просто трагического случая, а тупого равнодушия. На полустанке она не раз с тщетной надеждой смотрела в «пустынные глаза вагонов», но не встречала нигде человеческого тепла и сочувствия. В судьбе героини Блок обобщил судьбу молодого поколения, оказавшегося в атмосфере духовного бездорожья и безнадежности:

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогающая..
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая..

Реалистические детали приобретают символическое значение. Слова: «Вагоны шли привычной линией, подрагивали и скрипели» — подчеркивают утомительное однообразие жизни, а в следующих двух строках о вагонах для господ («Молчали желтые и синие») и для народа («В зеленых плакали и пели») Блок гениально показал социальное расслоение в царской России. Жандарм, стоящий рядом с девушкой на перроне, воспринимается как злобещий символ самодержавного уклада жизни.

Враждебные народу силы, державшие Россию в повиновении, воплощены в стихах Блока в образах колдуна, коршуна, ястреба, совы и пр. Стихотворение «Коршун» (1914) построено на параллели: коршун кружит над лугом, мать-крестьянка кормит ребенка. Поэт закрепляет эту параллель вопросительной, тревожной концовкой: «Доколе матери тужить? Доколе коршуну кружить?» Образ матери здесь расширяется до образа России.

Еще одна важная особенность трактовки темы родины состоит в том, что Россия изображается Блоком в движении, в романтической перспективе. В его стихах часто употребляются образы дороги, долгого пути, бескрайних просторов и далей. Россия — необъятная и беспредельная страна, устремившаяся в дали будущего, как гоголевская необгонимая птица-тройка. Отсюда постоянные символические образы могучей свободной стихии — ветра, вьюги, снежной метели, бури, урагана.

Особое место в патриотической лирике Блока занимает цикл из пяти небольших стихотворений «На поле Куликовом» (1908). Здесь образ России дается в широкой пространственной и временной перспективе, создаваемой особым, реалистическим и в то же время философски обобщенным, символическим пейзажем, а также подчеркиванием неодолимости, как бы извечности происходящего: «Опять над полем Куликовым взошла и расточилась мгла», «Опять с вековой тоскою Пригнулись к земле ковыли», «За Непрядвой лебеди кричали, и опять, опять они кричат». Этот же прием использован в стихотворениях «Россия» («Опять, как в годы золотые три стертых треплются шлеи») и «Коршун» («Идут века, шумит война, встает мятеж, горят деревни...»). В стихах о Куликовской битве конкретные образы сопрягаются с вечностью: вечен ратный подвиг народа, вечен воин («Я не первый воин, не последний»), продолжается вечный бой («И вечный бой! Покой нам только снится!»). Возникает ощущение непрерывности хода истории и личного участия поэта в событиях. Он словно перевоплощается в древнерусского воина, пропускает исторические события «сквозь сердце»: «Из сердца кровь струится! Плачь, сердце, плачь...» Так можно писать только о личном, о своем. Четыре стихотворения из пяти написаны в форме монолога лирического героя.

В исторических аналогиях Блок искал ответы на злободневные вопросы своего времени. Ночному мраку столыпинской реакции он противопоставлял образы огня, света, степных костров («Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами Степную даль»), предчувствуя «начало высоких и мятежных дней».

В то же время его тревожило неизбежное столкновение буржуазно-дворянской интеллигенции с народом. Поэтому вместо победного исхода Куликовской битвы он показал состояние напряженного и тревожного ожидания боя. Тревожен и символический пейзаж: кричат лебеди, клекочут орлы, стелется туман над Непрядвой, бежит степная кобылица. Тревожны предчувствия поэта: «Идут, идут испуганные тучи. Закат в крови», «Я вижу над Русью далече Широкий и тихий пожар».

В цикле «На поле Куликовом» Блок задумывался не только о долге интеллигенции перед народом, но и отстаивал активную позицию поэта-гражданина, который не может «жить покоем» и быть равнодушным к народной судьбе. Эти мысли он выразил несколько позднее в прологе к поэме «Возмездие», озаглавленном в отдельной публикации «Народ и поэт», в стихотворении «Земное сердце стынет вновь» из цикла «Ямбы» (1907—1914):

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

В цикле «Ямбы» особенно ярко проявилось гражданское возмущение поэта, появились волевые интонации, призывные публицистические строки. В стихотворении «Да. Так диктует вдохновение...» Блок провозгласил принцип демократизации искусства:

Да. Так диктует вдохновение:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где унижение,

Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже,—
Оттуда зримей мир иной...

Он слышит «подземный гул» приближающейся новой революции, призывает к мести палачам народа, восторженно пишет о нем: «Народ — венец земного цвета, краса и радость всем цветам». Ощущение связи с народом, выраженное формулой «и все уж не мое, а наше, и с миром утвердилось связь», помогает Блоку окончательно освободиться от индивидуализма и субъективизма.

Поэт осмысливает общественное значение труда, видя в нем высокий долг человека. Теме ухода от «чистого искусства» к труду, к жизни он посвящает лирическую поэму «Соловьиный сад» (1915). Рабочий дробит киркой скалы на берегу моря, но однажды, завороченный пением, оставляет свою тяжелую работу, входит в соловьиный сад и наслаждается отдыхом и покоем. Но это наслаждение не может долго длиться: рабочего зовет труд — внутренняя потребность человека. Соловьиное пение не способно заглушить шум морского прибоя, привычные звуки труда. Очарование соловьиного сада выражено необыкновенно музыкальными, «сладкозвучными» стихами. Манящая музыка сильнее подчеркивает опасность для труженика соблазниться «красивым уютом». Его пребывание в саду за розовой оградой похоже на сон и показано смутными, зыбкими образами, говорящими о призрачности нетрудового счастья, тогда как будничным труд его изображен конкретно и зримо. Пусть этот труд тяжел и изнурителен, но в нем истинное счастье человека.

С 1910 по 1921 год Блок работал над поэмой «Возмездие», которая осталась незавершенной. В этой автобиографической поэме о трех поколениях дворянской семьи, показанной на фоне событий конца XIX — начала XX века, Блок хотел подвести итог своим размышлениям над судьбами русского дворянства, буржуазной цивилизации и самодержавия. В его творчестве тема ненависти и гнева закономерно перерастала в тему народного возмездия капиталистическому миру.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Блок воспринял как историческое осуществление этого справедливого возмездия. В поэме «Двенадцать», написанной в январе 1918 года, он довел до конца свое обличение «страшного мира», придав ему революционный характер и показав тех, кто его разрушает.

Старый мир показан в символических образах попа, дамы в каракуле, писателя-«витии», буржуя, похожего на «голодного пса». Этим сатирически обрисованным персонажам противопоставлены двенадцать красногвардейцев, проходящих дозором по вечернему Петрограду.

В поэме сложно переплетаются сознательное и стихийное, героическое и бытовое, высокое и низменное. Красногвардейцы еще недостаточно сознательны, они несут на себе тяжелое наследие прошлого (от них не отстает паршивый пес — символ старого мира). Но не следует преувеличивать их стихийность и отождествлять их с уличной анархической гольтиббой. Именно красногвардейцы вносят волевое начало, организованность и порядок в стихию. В поэме слышатся их команды, призывы к бдительности: «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!», «Товарищ! Гляди в оба!», «Товарищ, винтовку держи, не трусь...», «Вперед, вперед, вперед, рабочий народ!» и т. д. Да и сами красногвардейцы перевоспитываются в ре-

воплощенной борьбе, изживают темные инстинкты, выполняют свою историческую миссию, революционный долг, отрекаясь от личного — «ко всему готовы, ничего не жаль». Они неуклонно идут вперед «державным шагом» и олицетворяют собой поступь народа.

Очерченные бегом, эскизно, красногвардейцы на наших глазах превращаются в монументальные фигуры, символические образы. Поэт незаметно расширяет масштаб изображения: патруль оказывается бессмертным («И выюга пылит им в очи, днй и ночи напролет»), и уже кажется, что идут красногвардейцы не по земле, а по земному шару («Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»). Повествование переключается из бытового в обобщенно-символический план. Величие дела, за которое сражаются красногвардейцы, их смелость и непреклонность придают поэме героический характер. Пафос поэмы в утверждении правоты революционного народа.

Блок воспел Октябрьскую революцию в ее всемирном значении. Символическим образом Христа в финале поэмы он благославил революцию, утвердил ее «святость» не в религиозном, а в нравственном смысле. Двенадцать красногвардейцев — носители духа времени, правды истории. Они воспринимаются как двенадцать апостолов нового мира. Образ Христа был для Блока символом всеобщего обновления жизни, однако поэт сам чувствовал его чужеродность в поэме о революции, понимая, что впереди двенадцати должен идти кто-то другой, но не знал, кто этот другой.

Односторонность блоковского восприятия революции только как разрушительной стихии не помешала ему показать зарождение революционной дисциплины и сознательности в массах.

Беспощадное отрицание старого мира, понимание всемирно-исторического значения революции сделали поэму выдающимся, поистине бессмертным произведением. Блок воспел революцию как светлую, очищающую силу, придал поэме праздничное, победное звучание.

«Двенадцать» — подлинно народная поэма. В ней действуют герои из самых низов народа, события показываются с народной точки зрения. Новое, революционное содержание отлилось в ней в истинно народную форму. Это повествовательная драматизированная поэма, в которой автор предоставил действовать и говорить самим героям, поэтому их диалоги и реплики преобладают над авторской речью. Поэма написана почти исключительно разговорным языком, в поэтическую речь дерзко вторгается просторечная лексика, вульгаризмы, уличный жаргон. Блок смело сочетал в ней разнородные элементы языка, различные художественные приемы, желая широко показать массовость, народность революции.

Вихревая стремительность движения, многоголосие «музыки революции» передаются чередованием разнообразных размеров (свободный стих, ямб, хорей и др.) и ритмов (частушечных, песенных, романсовых, маршевых), причем ритм марша к концу поэмы преобладает над всеми другими. Так и ритмикой поэмы утверждается то организующее начало, которое вносят в стихию двенадцать красногвардейцев.

Поэма представляет собой органическое единство реализма и революционного романтизма. Изображение революции в обобщенно-символических образах как стихийного «мирового пожара» определяет революционно-романтический характер поэмы. Она состоит из двена-

дцати маленьких главок, однако широкий обобщенный показ событий, революционной борьбы придает поэме подлинную эпичность.

Поэма «Двенадцать» была написана в критические для Петрограда и всей Советской республики дни гражданской войны и имела огромное мобилизующее, агитационное значение, призывала к бдительности, защите завоеваний народа от контрреволюции и иностранной интервенции.

Защите революции Блок посвятил также патриотическое стихотворение «Скифы». Он написал его на следующий день после окончания поэмы «Двенадцать», 30 января 1918 года.

От имени всего народа поэт сурово предупреждал иностранных интервентов, готовивших крестовый поход против Советской России:

Миллионы — вас... Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!

Скифская, «варварская», с точки зрения Запада, Россия после революции стала средоточием мировой культуры и прогресса. Она готова постоять за себя, но призывает народы к дружбе и миру:

В последний раз — опоминись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

«Двенадцать» и «Скифы» явились итогом пути Блока к народу и революции. Это был тернистый, подвижнический путь, потребовавший от поэта большого мужества, искренности, пересмотра своих идейных и творческих позиций. Гениальность и величие Блока в том, что он поднял и решил проблемы национального и общечеловеческого значения, показал историческую судьбу России, ее народа, гибель старого буржуазного мира и рождение мира нового, который виделся ему как мир «обетованный и прекрасный, и человечески-простой». Блока волновали не вопросы быта, а проблемы человеческого бытия. В своей поэзии он достиг больших социальных обобщений, соотносил жизнь личности с жизнью народа, всего мира, вселенной. Это был человек с необыкновенно богатой духовной жизнью. «Блок был изумительно красив как поэт и как личность. Завидно красив», — сказал о нем М. Горький.

Александр Блок обогатил русскую и мировую поэзию новыми проблемами, темами, образами, художественными открытиями. Его творчество дорого нам высоким патриотическим пафосом, гуманностью, большой поэтической культурой. Наследие Блока — наше народное, национальное достояние.

В 1980 году исполняется 100 лет со дня рождения большого русского поэта. Празднование этого юбилея позволит еще полнее осознать место и значение Блока в истории литературы, глубже выявить черты его новаторства и живучесть традиций в творчестве тех советских поэтов, которые обращаются к сложным проблемам личности и общества, человека, народа, истории, вглядываются в дали будущего.

А. Жаков.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

★ ★ ★

Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...

Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел — и сорву!

7 августа 1898

В ночи, когда уснет тревога,
И город скроется во мгле —
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!

Что́ буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что́ человеческие слезы,
Когда румянится закат!

Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба —
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!

1898 (2 июня 1919)

ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ

(Картина В. Васнецова)

На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

SERVUS — REGINAE¹

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.

14 октября 1899

¹ Слуга — царице (лат.).

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра — нет,
Готов и Смерти покориться
Младой поэт.

Я не таков: пусть буду снами
Заворожен,—
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.

Опять — тревога, опять — стремленье,
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенье
До новых снов!

25 декабря 1899

Ветер принес издалёка
Песни весенней намок,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

29 января 1901

И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

4 июня 1901. С. Шахматова

Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рекой?

Фет

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце — надежды нездешние,
Кто-то навстречу — бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901

* * *

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

3 октября 1901

☆ * ☆

С. Соловьеву

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

4 января 1902

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.

Но в предвестие веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келий
Светлая лазурь.

И полны заветной дрожью
Долгожданных лет,
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет.

18 февраля 1902

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло.

13 мая 1902.

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

* * *

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косягорами
И смотрю неустанно вперед,
Вперед с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — быль.

18 февраля 1903

* * *

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Сломили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903

* * *

Ты из шопота слов родилась,
В вечеряющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день,

Надо мной твоя легкая тень,
Запах белых цветов среди садов,
Шелест легких шагов у прудов,
И тревожной бессонницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.

Май 1903

* * *

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не падо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

2 мая 1903

* * *

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

Июнь 1903. Bad Nauheim

РАССВЕТ

Я встал и трижды поднял руки.
Ко мне по воздуху неслись
Зари торжественные звуки,
Багрянцем одевая высь.

Казалось, женщина вставала,
Молилась, отходя во храм,
И розовой рукой бросала
Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,
Белея, вытянулись в нить
И скоро пасмурные крыши
Крылами стали золотить.

Над позолотой их заемной,
Высоко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плывущий в красной тишине.

18 ноября 1903

ФАБРИКА

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903

Е. П. Иванову

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Ташится по полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый.

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо.

Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой.
Кто-то зовет серебристой трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанию, к молчанью.
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданью, дыханью.

В роще косматый беззвучно дрожит.
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.

14 декабря 1903

ИЗ ГАЗЕТ

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звонящая дверь хлопнула вниз.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Игнали в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей.

Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочке хорошо. Мама умерла.

27 декабря 1903

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
Черная нить под снегами гудёт.
Чудо ползет под моими саями,
Чудо мне сверху поет и поет...

Всё мне, певучее, тяжело и трудно,
Песни твои, и снега, и костры...
Чудо, я сплю, я устал непробудно...
Чудо, ложись в снеговые бугры!

28 декабря 1903

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зорн.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерег иступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновенна.

10 сентября 1904

ГОЛОС В ТУЧАХ

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.

Больным и усталым — нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А почь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.

Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза,
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:

«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!

Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!

Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где-то —
За ночью, за бурей — зыванье сирен!»

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: неожиданная Радость близка!..

А там — горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.

Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.

16 декабря 1904

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ликов!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари — не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?»

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?
Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи троттуара,
Он одну приобщил небесам...

А вверху — на уступе опасном —
Тихо съезжившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

Барка жизни встала
 На большой мели.
 Громкий крик рабочих
 Слышен издали.
 Песни и тревога
 На пустой реке.
 Входит кто-то сильный
 В сером армяке.
 Руль дощатый сдвинул,
 Парус распустил,
 И багор закинул,
 Грудью надавил.
 Тихо повернулась
 Красная корма,
 Побежали мимо
 Пестрые дома.
 Вот они далёко,
 Весело плывут.
 Только нас с собою,
 Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

Я вам поведал неземное.
 Я всё сковал в воздушной мгле.
 В ладье — топор. В мечте — герои.
 Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
 Моей растерзанной мечты,
 Но в каждом доме, в каждом крове
 Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
 У юношей безогнен взор.
 Назад! Во мглу! В глухие склепы!
 Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летающим в облаке огня!

16 апреля 1905

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий, распеваящий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905. Рогачевское шоссе

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскала я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно бренча.

С легким треском рассыпался веер,—
Ах, что значит — не пить и не есть!
Но в глазах, обращенных на север,
Мне холодному — жгучая весть...

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговой,
Мой от века загаданный друг.

Август 1905

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам,— плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любви скромной
Закручинись ли во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с богом! Вечер близок,
Быстрый лёт касаток низок,
Надвигается гроза,
Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лириом
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.

Уже на дóмах веют флаги,
Готовы новые итенцы,

Но тихи струи певской влаги,
И слепы темные дворцы.

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

СЫТЫЕ

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они сучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостининых,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать.

10 ноября 1905

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: «Будь прославлен!»
Кто-то шепчет: «Не забудь!»

Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать...

Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерти!
И потом — земля разнежит
Перепуганную твердь.

Январь 1905

ПОВЕСТЬ

Г. Чулкову

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился вниз.
Серые прохожие усердно проносили
Груз вечерних сплетен, усталых стертых лиц.

Прямо перед окнами — светлый и упорный —
Каждому прохожему бросал лучи фонарь.
И в дождливой сети — не белой, не черной —
Каждый скрывался — не молод и не стар.

Были как виденья неживой столицы —
Случайно, нечаянно вступающие в луч.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И — неожиданно резко — раздались проклятья,
Будто рассекая полосу дождя:
С головой открытой — кто-то в красном платье
Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бессменный —
И мгновенно женщина, ночных веселий дочь,
Бешено ударилась головой о стену,
С криком иступленья, уронив ребенка в ночь...

И столпились серые виденья мокрой скуки.
Кто-то громко ахал, качая головой.
А она лежала на спине, раскинув руки,
В грязно-красном платье, на кровавой мостовой.

Но из глаз открытых — взор упорно-дерзкий
Всё искал кого-то в верхних этажах...
И нашел — и встретился в окне у занавески
С взором темной женщины в узорных кружевах.

Встретились и замерли в беззвучном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала...
Но через мгновенье наверху упали шторы,
А внизу — в глазах открытых — сила умерла...

Умерла — и вновь в дождливой сети тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднял на руки кричащего ребенка
И, крестясь, украдкой утирал глаза...

Но вверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотно-белый занавес пустел в сетях дождя.
Кто-то гладил бережно ребенку мокрый локон.
Уходил тихонько. И плакал, уходя.

Январь 1905

СОЛЬВЕЙГ

Сергею Городецкому

Сольвейг прибегает на лыжах.

Ибсен. «Пер Гюнт»

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту — весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть недаром я гордым сляву!

Жил в лесу, как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой — он звончей песен старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»¹ кричат

¹ «Истина в вине!» (лат.)

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 января 1906. Озерки

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклатья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколение рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

РУСЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно замедает вьюга
До крыши — утлое жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот — она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

— 24 сентября 1906

* * *

Предвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,
И вот передо мной — за мглою —
Черты печальные сестры.

Она идет неслышным шагом.
За нею шевелится мгла,
И по долинам, по оврагам
Вдыхают груди без числа.

«Сестра, откуда в дождь и холод
Идешь с печальною толпой,
Кого бичами выгнал голод
В могилы жизни кочевой?»

Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,
И тихим светом озарило
Всё, что незримо на земле.

И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
И корчи ослабевших тел.

И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных вереница
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в круженье вечном,
Вся — в шелках тугих —
Ты — путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

Пали душевные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла...
Ты — рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окие,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где проклинали друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вои там — в заплеваниом углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье — праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.

Сиди да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

В ОКТЯБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Всё, всё по-старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как за́пил я!

Давно звезда в стакан мой канула,—
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже всё мое имущество
С собою захвачу!

Познал, познал своё могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по-старому, бывалому,
Да только — без меня!

Октябрь 1906

* * *

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: «Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне».

Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: «Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.

Иди, иди, вернешься молод
И долгу верен своему.
Я сохраню мой лед и холод,
Замкнушь в хрустальном терему.

И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву — прозрачная вода...

Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья — весну».

Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Октябрь 1906

ОКНА ВО ДВОР

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу — старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забытые в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в оконце!..
Да нет, не заглянешь — пройдешь...
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Октябрь 1906

БАЛАГАН

Ну, старая кляча, пойдем
ломать своего Шекспира!

Кин

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, побряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро,
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Ташитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Ноябрь 1906

Хожу, брожу пониурый,
Один в своей норе.
Придет шармащик хмурый,
Заплачет на дворе...

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе — весна.

А мне — какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмурив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...

Лицо мое блее,
Чем белая стена...
Опять, опять сrobeю,
Когда придет она...

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказать?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

7 декабря 1906

НА ЧЕРДАКЕ

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...
Чтоб не испугала
Милого дружка!

Декабрь 1906

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся — театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас ramпы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вот — опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной — вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1906

Н. Н. В.

Я в дольний мир вошла, как в ложу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.

Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.

И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!

Взор мой — факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!

Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...

В серебре метелей кроюсь,
Ты горишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!

1 января 1907

КРЫЛЬЯ

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дальние покину.

Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дальние, вздохните!

В сердце — легкие тревоги,
В небе — звездные дороги,
Среброснежные чертоги.

Сны метели светлосмешной,
Песни вьюги легковейной,
Очи девы чародейной.

И какие-то печали
Издали,
И туманные скрижали
От земли.
И покинутые в дали
Корабли
И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.

И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами —
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

4 января 1907

ЕЕ ПЕСНИ

Не в земной темнице душевной
Я гублю.
Душу вверх ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укrotи.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января 1907

В УГЛУ ДИВАНА

Но в камине дозвенели
Угольки.

За окошком догорели
Огоньки.

И на выюжном море тонут
Корабли.

И над южным морем стонут
Журавли.

Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.

Верь лишь мне, ночное сердце,
Я — поэт!

Я какие хочешь сказки
Расскажу,

И какие хочешь маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне,

Странных очерки видений
На стене.

И любой колени склонит
Пред тобой...

И любой цветок уронит
Голубой...

9 января 1907

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!

Я слышу трудный, хриплый голос..
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна — над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.

3 июня 1907

* * *

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый нерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит *времен величье*
И *розоперстая судьба!*
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Всё, всё — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(1907)

(Посв. Г. Чулкову)

О СМЕРТИ

Всё чаще я по городу брожу.
Всё чаще вижу смерть — и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на грудах щебня,
А за глухим забором — ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом — внезапный крик:
«Упал! Упал!» — кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенёк,
Увидел всё зараз: вдали летели
Жокен в пестром — к тонкому столбу.
Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремени.
А за листвою кудрявеньких березок,
Так близко от меня — лежал жокей,
Весь в желтом, в зеленях весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелась спицы,
Поблескивали козла, осы, крылья...
Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли —
И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песка,
Таскали — то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери — с отвесными грудями
Под грязным платьем — ждали их, ругались

И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот — бревнышко, другой — кирпичик...

И вдруг раздался всплеск воды и крик:
«Упал! Упал!» — опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу — лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!

Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,

Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать,
И песни петь! И слушать в мире ветер!

НАД ОЗЕРОМ

С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой чаще
Высоких сосен, с выступов песчаных,
Из-за могил и склепов, где огни
Лампад и сумрак дымно-сизый —
Влюбленные ему я песни шлю.

Оно меня не видит — и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в небо,
Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.
Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зеленый —
Как раз на самой розовой воде.
К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным путем,
И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне — ее ползучий, хриплый шум.
Я на уступе. Надо мной — могила
Из темного гранита. Подо мной —
Белеющая в сумерках дорожка.
И кто посмотрит снизу на меня,

Тот испугается: такой я неподвижный,
В широкой шляпе, средь ночных могил,
Скрестивший руки, стройный и влюбленный в
мир.

Но некому взглянуть. Виизу идут
Влюбленные друг в друга. Нет им дела
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Им нужны человеческие вздохи,
Мне нужны вздохи сосен и воды.
А озеру — красавице — ей нужно,
Чтоб я, никем не видимый, запел
Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.
Прошли все пары. Сумерки синей,
Белей туман. И девичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могила, не заметивши меня...
Я вижу легкий профиль. Пусть не знает,
Что знаю я, о чем пришла мечтать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там — самовары,
И синий дым сигар, и плоский смех...
Она пришла без спутников сюда...
Наверное, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющим задом и ногами,
Завернутыми в трубочки штаны!
Она глядит как будто за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то так далёко, так далёко,
Куда и я не в силах заглянуть...

О, нежная! О, тонкая! — И быстро
Ей мысленно приискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!

Да, Теклой!.. — И задумчиво глядит
В клубящийся туман... Ах, как прогонит!..

А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой...
Он подошел... он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
Я даже выдвинулся из-за склепа...
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу, пляшу
Среди могил — незримый и высокий...
Кричу: «Эй, Фёкла! Фёкла!» — И они
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...
Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
Прижавшись крепко к кителю, почти
Бегом бежит за ним...

Эй, доброй ночи!

И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: «Здравствуй!» — я кричу...
И голосом красавицы — леса
Прибрежные отвечают мне: «Здравствуй!»
Кричу: «Прощай!» — они кричат: «Прощай!»
Лишь озеро молчит, влача туманы,
Но явственно на нем отражены
И я, и все союзники мои:
Ночь белая, и бог, и твердь, и сосны...

И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер свищет
В горячее лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белеет утро.
Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком кресле,
И на письме трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
Цветы меня не радуют. Пишите...
Простите и сожгите этот бред...»

И томные слова... И длинный почерк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных волосах.

Шувалово

В СЕВЕРНОМ МОРЕ

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,

Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководе. Там, переменяв
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и грудей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча
В предсмертном гневe мечет из очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с тобой»,
«Здесь были Коля с Катей», «Диодор
Иеромонах и послушник Исидор
Здесь были. Дивны божии дела», —
Прочтя все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.

Бензин пыхтит и пахнет. Два крыла
Бегут в воде за нами. Вьется быстрый след,
И, обогнув скучающих на пляже,
Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной рябью
В просторную ласкающую соль.

На горизонте, за спиной, далёко
Безмолвным заревом стоит пожар.
Рыбачий Вольный остров распростерт
В воде, как плоская спина морского
Животного. А впереди, вдали —
Огни судов и сноп лучей бродячих
Прожектора таможенного судна.
И мы уходим в голубой туман.
Косым углом торчат над морем вехи,

Метелками фарватер оградив,
И далеко — от вехи и до вехи —
Рыбачьих шхун маячат паруса...

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.
На тонкой мачте — маленький фонарь,
Что камень драгоценный фероньеры,
Горит над матовым челом небес.

На острогрудой, в полной тишине,
В причудливых сплетениях снастей,
Сидят, скрестивши руки, люди в светлых
Панамах, сдвинутых на строгие черты.
А посреди, у самой мачты, молча,
Стоит матрос, весь темный, и глядит.

Мы огибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: «Хотите на буксир?»
И с важной простотой нам отвечает
Суровый голос: «Нет. Благодарю».

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт

Красавицы под всеми парусами...
На драгоценный камень фероньеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт

В ДЮНАХ

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений!
«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Навеки твой».
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду — и запою».

Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен — нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов.
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна —
И русский бесприютный храм глядел
В чужую, незнакомую страну.

Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась

Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом — вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвон, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.

И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она — и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
Хохочет платье, вздутое от бега...
Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
«Моя! Моя!» — И пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»

Дюны
Июнь — июль 1907

* * *

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз,
Вот здесь вчера — повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.

И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне» —
И опять за травой колокольчик звенит...

12 июля 1907

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалееет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

3 октября 1907

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Всё равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

* * *

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет сладко,
Другой твои песни споет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодница — повыше
Других молодниц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

26 октября 1907

Приявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город — яркий сноп огня.
Река — прозрачное стекло,
И только — нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене — смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здсь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огненным,
О, милая моя!

26 октября 1907

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбёта».

Едва дойдя до *пузырей земли*,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Пáоло и Франчески.

6 февраля 1908

* * *

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

4 марта 1908

* * *

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,

И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстринь,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..

22 мая 1908

Вл. Пясту

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщина с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, —
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти!

28 мая 1908

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.

Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске
безбрежной,

В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.

В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!

Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...

Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

7 июля 1908

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали
 Не вернуться, не взглянуть назад.
 За Непрядвой лебеди кричали,
 И опять, опять они кричат...

На пути — горячий белый камень,
 За рекой — поганая орда.
 Светлый стяг над нашими полками
 Не разыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
 Говорит мне друг: «Остри свой меч,
 Чтob недаром биться с татарвою,
 За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний.
 Долго будет родина больна.
 Помяни ж за раннею обедней
 Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

В ночь, когда Мамай залег с ордою
 Степи и мосты,
 В темном поле были мы с Тобою,—
 Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
 Средь ночных полей,
 Слышал я Твой голос сердцем вещим
 В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
 Княжеская рать,
 И вдали, вдали о стремя билась,
 Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
 Реяли вдали.

А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековою тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мгlistой ночной вышине.

Вздываются светлые мысли
В растерзании сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздывается конская грива...
За ветром зывают мечи...

31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых
Гудящий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молинь боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал.— Молись!

23 декабря 1908

ДРУЗЬЯМ

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что́ делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что́ делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушáтся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что́ делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это...

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала,—
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колени...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

Я пригвожден к трактирной стойке,
Я пьян давно. Мне всё — равно.
Вон счастье мое — на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

26 октября 1908

КОРОЛЕВНА

Не было и нет во всей подлунной
Белоснежной плеч.
Голос нежный, голос многострунный,
Льстивая, смеющаяся речь.

Все певцы полночные напевы
Ей слагают, ей.

Шепчутся завистливые девы
У ее немых дверей.

Темный рыцарь, не подняв забрала,
Жадно рвется в бой;
То она его на смерть послала
Белоснежною рукой.

Но, когда одна, с холодной башни
Всё глядит она
На поля, леса, озера, пашни
Из высокого окна.

И слеза сияет в нежном взоре,
А вдали, вдали
Ходят тучи, да алеют зори,
Да летают журавли...

Да еще — души ее властитель,
Тот, кто навсегда
Путь забыл в далекую обитель,—
Не вернется никогда!

28 ноября 1908—16 мая 1914

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что́ плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

* * *

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознания
И забываю, что и как...
Кругом — снега, трамваи, здапья,
А впереди — огни и мрак.

Что, если я, замороженный,
Сознания оборвавший нить,
Вернусь домой униженный, —
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

2 февраля 1909

* * *

Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет: *встань...*
И я целую богомольно
Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...

*Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...*
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!

14 февраля 1909

* * *

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.

Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного — и нам.

15 февраля 1909

* * *

Уж вечер светлой полосой
На хладных рельсах догорал.
Ты, стройная, с тугой косою
Прошла по черным пятнам шпал.

Твой быстрый взор огнем докучным
Меня обжог и ослепил.
Мгновенье... громом однозвучным
Нас черный поезд разделил...
Когда же чуть дрожащим звоном
Пропели рельсы: не забудь,
И семафор огнем зеленым
Мне указал свободный путь,—
Уж ты далёко уходила,
Уже теряла цвет трава...
Там пыль взвилась, там ночь вступила
В свои туманные права...
Тревожный свист и клубы дыма
За поворотом на горе...
Напрасный миг, проплывший мимо...
Огонь зеленый на заре.

1 марта 1909

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом искажила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

Март 1909

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.

Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари — покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест:
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вдохни небесной глубиной.

Смотри с печальною усладой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом — в алый круг.

Август 1909

ИЗ «ИТАЛЬЯНСКИХ СТИХОВ»

(1909)

РАВЕННА

Всё, что минутно, всё, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаёк.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Май — июнь 1909

ПЕРУДЖИЯ

День полувеселый, полустрадный,
Голубая гарь от Умбских гор.
Вдруг — минутный ливень, ветер
прохладный,
За окном открытым — громкий хор.

Там — в окне, под фреской Перуджино,
Черный глаз смеется, дышит грудь:
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...

На корзине — белая записка:
«Questa sera...¹ монастырь Франциска...»

Июнь 1909

ФЛОРЕНЦИЯ

1

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!

О, Велла, ² смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

¹ Сегодня вечером (итал.).

² Прекрасная (итал.) — распространенное в Италии название Флоренции. — *Ред.*

Звонят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Мэдицей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи!

Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах —
Весь груз тоски многоэтажный —
Сгинь в очистительных веках!

Май — июнь 1909

2

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашии?

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...

Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

Июнь 1909

3

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,

Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубою
Унесет меня волной...

Июнь 1909

4

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.
О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

Июнь 1909

5

Окна ложные на небе черном,
И прожектор на древнем дворце.
Вот проходит она — вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

Июнь 1909

6

Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.

17 мая 1909

7

Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...
Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,
И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцонной площадной.

Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!..

Сведи с ума канцонной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...

Август 1909

MADONNA DA SETTIGNANO¹

Встретив на горном тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские дымные дали
И очертания гор.

Желтый платок твой разубран цветами —
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику — мне?
Страстно твердить твое имя, Мария,
Здесь, на чужой стороне?

3 июня 1909

* * *

Искусство — ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске,
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего cinéma!²
А через год — в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, — и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!..

Июнь 1909
Foligno

¹ Сеттиньянская мадонна (итал.).

² Кино (франц.).

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, — и люблю!

Мимо, всё мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

3 июня 1909

СИЕНА

В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни — свечи божества.

О, лукавая Сиена,
Вся — колчан упругих стрел!
Вероломство и измена —
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Ограды со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный
Исполняют образа,

Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит младенцу буря,
Пусть грозит младенцу враг,
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощуря!..

7 июня 1909

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

К. М. С.

1

Всё таже озерная гладь,
Всё так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Ты позови — она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

Июнь 1909

2

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я — память, весь я — слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу — вот твой след,
Смытый бурей столько лет.

В тѣнях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет
Всё — как призрак, всё — как бред,

Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.

Июнь 1909

3

Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени,—

Не знал я, что в *лесу девичьем*
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьим:

«Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»

Июнь 1909

4

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Запевает осой ядовитой,

Размечает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,

И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

1897—1909
Bad Nauheim

5

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...

И вдруг — туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуй,
Твои гортанные слова...

Июнь 1909

6

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Деревя едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом аллея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность —
Что́ для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.

*23 марта 1910
Елагин остров*

7

Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,
И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...

Когда внезапно вздох недалёкий,
Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...

Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: *улетим*.

Март 1910

8

Всё, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

23 марта 1910

УТРО В МОСКВЕ

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро — как прелесть твоя.

Июль 1909

* * *

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невой,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Раскλύет коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту?

Но верю — не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Август 1909

* * *

Поздней осенью из гавани
От замеченной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно — больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

14 ноября 1909

НА ОСТРОВАХ

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовию, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обияв, лукавить,
И мчаться в сиег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жеиixa...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только — продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Создания хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Чтó в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...

25 ноября 1909

* * *

С мирным счастьем покончены счёты,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной
Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор.

11 февраля 1910

* * *

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

28 февраля 1910

НА СМЕРТЬ КОМИССАРЖЕВСКОЙ

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край,
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс — в холодном серебре.
Ушла. От всех великолепий —
Вот только: крылья на заре.

Что в ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею — с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы — что мы на этой тризне?
Что можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней жизни,
Хоть погребальный факел — в ночь...

Пускай хоть в небе — Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

Февраль 1910

ГОЛОСА СКРИПОК

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

Февраль 1910

* * *

Дух пряный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой выюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось — сквозь храп коня —
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступая,
Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910
Часовня на Крестовском острове

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Исступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глубин зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

ДЕМОН

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих...
О, сон мой! Я новое вижу,
В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоём иступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горний, навеки без сил...

И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.

19 апреля 1910

Там человек сгорел.

Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

10 мая 1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Важней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели.

Вставляли сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчал.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогающая...

Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июня 1910

* * *

Там неба освещенный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редает.

Сентябрь 1910

* * *

В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам бог
В час искупительный — у гроба.

Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих.
И всем — священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек — у нас всё те ж
Заветы юношам и девам:
Презрение созревает гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве — воли дремлют;
Так точно — черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным.
В очарованьи бездыханном,
Среди глубоких недр, — пока
В горах не запоет кирка.

1910 (6 февраля 1914)

КОМЕТА

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом —
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полет — стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

Сентябрь 1910

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он — был. Но он — не нужен.
Кто обессилил руку мне? —
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас —
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? — Их не было. — Что ж было? —
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалика
Раздался голос: *Esse homo!*¹
Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных жил),
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный — служил.

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: *Нет, я не слуга.*
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обагри снега!

4 октября 1910

* * *

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.

Ноябрь 1910

¹ Се — человек! (лат.) — Ред.

ТРИ ПОСЛАНИЯ

В.

1

Всё помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбацких шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный вьюн...

28 мая 1908

2

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твоё дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный мёрзок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910

Знаю я твое льстивое имя,
 Черный бархат и губы в огне,
 Но стоит за плечами твоими
 Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
 У меня меж бровей на челе:
 Она жжет меня, черная ревность
 По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки,
 Вспоминаю те вьюги, снега,
 Твои дикие слабые руки,
 Бормотаний твоих жемчуга.

18 ноября 1910

* * *

Когда ты загнан и забит
 Людьюми, заботой иль тоскою;
 Когда под гробовой доскою
 Все, что тебя пленяло, спит;
 Когда по городской пустыне,
 Отчаявшийся и больной,
 Ты возвращаешься домой,
 И тяжелит ресницы иней,—
 Тогда — остановись на миг
 Послушать тишину ночную:
 Постигнешь слухом жизнь иную,
 Которой днем ты не постиг;
 По-новому окинешь взглядом
 Даль снежных улиц, дым костра,
 Ночь, тихо ждущую утра
 Над белым запущённым садом,
 И небо — книгу между книг;
 Найдешь в душе опустошенной
 Вновь образ матери склоненный,
 И в этот несравненный миг —
 Узоры на стекле фонарном,
 Мороз, оледенивший кровь,

Твоя холодная любовь —
Все вспыхнет в сердце благодарном,
Ты все благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *quantum satis*¹ Бранда воли,
А мир — прекрасен, как всегда.

Январь 1911

НАРОД И ПОЭТ

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет,— поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —
И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар — он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятении падает у ног!

Кто меч скует? — Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы,— лишь умный раб,
Из глины созданный и праха,—

¹ В полную меру (лат.) — лозунг Бранда, героя одноименной драмы Генрика Ибсена.

И мир — он страшен для меня.
Герой уж не разит свободно, —
Его рука — в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто напесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там — пожар.

Но песня — песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот — голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь — именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою, —
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!..
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа.
Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода —

Два-три звена,— и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода,—
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет — миру напоказ!
Так бей, не зная отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалика —
Дроби, мой гневный ямб, камня!

2 марта 1911

ВОЗМЕЗДИЕ

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно,—
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы.
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
Штык светил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,
И так же конь чуть слышным смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но.. право, проку в этом нет,
Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячил коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... «Ура»
Заводит кто-то голосистый,
И царь — огромный, водянистый —
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи — целых семь недель.
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холодя...
Куда ни повернись, всё ветер...
«Как тошно жить на белом свете», —
Бормочешь, лужу обходя;
Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят,

Вонь кислая с дворов несется,
И «князь» орет: «Халат, халат!»
И, встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
Весь город погружался в сон,
И расширялся небосклон;
Огромный месяц за плечами
Таинственно румянил лик
Перед зарей необозримой...
О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?..
Ты помнишь: выйдя ночью белой
Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
Склонясь головой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревожный,
Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как ангел
На шпиле крепостном; и вот —
(Сон, или явь): чудесный флот,
Широко развернувший фланги,
Внезапно заградил Неву...
И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?..
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади в сей дивный миг
(Один любовник запоздалый
Спешил, поднявши воротник...).
Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,

И дремлющими выпеламп
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Деятым января...

Март 1911

ДВА ВЕКА

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплип,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И малодейственных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей — пополам!),
Век не салонов, а гостинных,
Не Рекамье, — а просто дам...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...
А человек? — Он жил безвольно:
Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...
Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:

Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:
Там — распри кровные решают
Дипломатическим умом,
Там — пушки новые мешают
Сойтись лицом к лицу с врагом
Там — вместо храбрости — нахальство,
А вместо подвигов — «психоз»,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздкий обоз
Волочит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кланя,
Рожком горниста — рог Роланда
И шлем — фуражкой заменя...
Тот век немало проклинали
И не устанут проклинять.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал — да жестко спать...

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,

Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
Что ж, человек? За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
Как день твой величав и пышен,
Как светел твой чертог, жених!
Нет, то не рог Роланда слышен,
То звук громовый труб иных!
Так, очевидно, не случайно
В сомненьях закалял ты дух,
Участник дней необычайных!
Открой твой взор, отверзи слух,
И причастись от жизни смысла,
И жизни смысл благослови,
Чтоб в тайные проникнуть числа
И храм воздвигнуть — *на крови.*

* * *

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнёт туда, где унижение,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже,—
Оттуда зримей мир иной...
*Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?*
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне,—
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирные сотри,
Как боязливый крот, от света
Заройся в землю — там замри,

Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя,—
Дням настоящим молвив: *нет!*

Сентябрь 1911—7 февраля 1914

ИСПАНКЕ

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...

Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...

И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик *Handá* и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший бога поэт.

Октябрь 1912

* * *

Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: *Ленора*.

Эдгар По

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный
Решал всё тот же я — мучительный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и туманный,
Вошел тот джентльмен. За ним — лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлегся¹ на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало?
Пред Гением Судьбы пора смириться, сѡр».

«Но в старости — возврат и юности, и жара...» —
Так начал я... но он настойчиво прервал:
«Она — всё та ж: *Линор безумного Эдгара*.
Возврата нет.— Еще? Теперь я всё сказал».

И странно: жизнь была — восторгом, бурей, адом,
А здесь — в вечерний час — с чужим наедине —
Под этим деловым, давно спокойным взглядом,
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентельмен ушел. Но пес со мной бессменно.
В час горький на меня уставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
Как будто говорит: *Пора смириться, сѡр*.

2 ноября 1912

* * *

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью — зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгннуть в стужу лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

1911—6 февраля 1914

* * *

Ветр налетит, завоюет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный брег...
Но цвет увял, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь — тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

6 января 1912

* * *

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус — наша дочь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

6 января 1912

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал,
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке —
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдвоем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

15 января 1912

АВИАТОР

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Потом — напрасно ищет око;
На небе не найдешь следа:

В бинокле, вскинута высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане
Как будто — неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука — мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летуи, во мгле неистпой
Земле несущий динамит?

1910 (январь 1912)

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки.
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор,
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета
Слуги спят, и ночь бледна.

В час расвета холодно и странно,
В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час,

Сентябрь 1910—16 февраля 1912

* * *

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом,
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабрезный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушон...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале».
«Усталый друг, могила холодна».
«Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови...
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначашие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

В ее ушах — нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник.
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,

Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

* * *

И вновь — порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было — и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь,—

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!

19 июня 1912

* * *

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастье твердишь — который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные улады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вдохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон,—
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

* * *

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души.

Июль 1912

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелются лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлет в кроватке.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Октябрь 1912

ПЕСНЯ ГАЭТАНА

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,
Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

В темных расселинах ночи
Прялка жужжит и поет.
Пряха незримая в очи
Смотрит и судьбы прядет.

Смотрит чертой огневою
Рыцарю в очи закат,
Да над судьбой роковою
Звездные ночи горят.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан.

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу закон непреложный —
Радость-Страдание одно!

Путь твой грядущий — скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о, Радость-Страдание —
Боль неизведанных ран!

Всюду — беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,
Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

Ноябрь 1912

К МУЗЕ

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:

Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Все проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь!

29 декабря 1912

* * *

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает вьюга.
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури — Азраил!

Октябрь 1913

СЕДОЕ УТРО

Утро туманное, утро седое...

Тургенев

Утреет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я — который раз подряд —
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинутаго назад, —
Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд — как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

29 ноября 1913

Я вижу блеск, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками — иное пенье,
Тот голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его доньше узнаю
В те дни, когда бушует вьюга,

Когда былое без следа
Прошло, и лишь чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне — о счастье.

12 декабря 1913

ХУДОЖНИК

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движение и свет.
Прошрое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил,—

Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.

12 декабря 1913

НОВАЯ АМЕРИКА

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...

Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шепотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякои взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полиоводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стаи половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видио там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дои,
И прекрасная виучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не выются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стоят гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волиует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воеет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

12 декабря 1913

* * *

Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: *люблю*.

Твой южный голос томен. Стан
Напоминает стан газели,
А я пришел к тебе из стран,
Где вечный снег и вой метели.

Мне странен вальса легкий звон
И душный облак над тобою.
Ты для меня — прекрасный сон,
Скользящий пылью снеговою...

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блеск, забытый мной,
Напоминающий напрасно
День улетевший, день прекрасный,
Убитый ночью снеговой.

12 декабря 1913

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят,—
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой — точно сразу поймет:
Вздрагнул плечи, рука у него;
Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюбленность, не месть;
Так — игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
Эти тайные *сыщики* есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

18 декабря 1913

* * *

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

5 февраля 1914

* * *

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

*1911 (6 февраля 1914)
Aber Wrach, Finistère*

* * *

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насыляет тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

Все бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

7 февраля 1914

* * *

Как день, светла, но непонятна,
Вся — явь, но — как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей и нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сиянии глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи,—

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти —
Ничто пред холодом ума!..

20 февраля 1914

КАРМЕН

(1914)

Л. А. Д.

1

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет,—
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.*

4 марта 1914

2

На небе — прázелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и-лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа...

Что́ месяца нежней, что́ зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

24 марта 1914

3

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь — перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

24 марта 1914

Бушует снежная весна.
 Я отвожу глаза от книги...
 О, страшный час, когда она,
 Читая по руке Цунинги,
 В глаза Хозé метнула взгляд!
 Насмешкой засветились очи,
 Блеснул зубов жемчужный ряд,
 И я забыл все дни, все ночи,
 И сердце захлестнула кровь,
 Смывая память об отчизне...
 А голос пел: *Ценою жизни*
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

5

Среди поклонников Кармен,
 Спешащих пестрою толпою,
 Ее зовущих за собою,
 Один, как тень у серых стен
 Ночной таверны Лиллас-Пастья,
 Молчит и сумрачно глядит,
 Не ждет, не требует участия,
 Когда же бубен зазвучит
 И глухо зазвонят запястья,—
 Он вспоминает дни весны,
 Он средь бушующих созвучий
 Глядит на стан ее певучий
 И видит творческие сны.

26 марта 1914

6

Сердитый взор бесцветных глаз.
 Их гордый вызов, их презренье.
 Всех линий — таянье и пенье.
 Так я Вас встретил в первый раз.
 В партере — ночь. Нельзя дышать.
 Нагрудник черный близко, близко...

И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движениях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет мочи.
Сказать — не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне,—
Ваш образ, дорогой навек...
А там: *Уйдем, уйдем от жизни,*
Уйдем от этой грустной жизни!
Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

7

Вербы — это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит — теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный — поля,
И залиvistый крик журавля,
Это значит — мне ждать у плетня
До заката горячего дня.
Значит — ты вспоминаешь меня.

Розы — страшен мне цвет этих роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в плену у Кармен?

30 марта 1914

8

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую, и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.

28 марта 1914

*О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!*

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет.
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Здесь — страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную, — постичь ее нет сил.
Там — дикий сплав миров, где часть души
вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер
в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе — лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

31 марта 1914

★ ★ ★

Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шуток.

Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.

И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна *верности*... твоей.

1 июля 1914

* * *

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти стороной в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслунить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

26 августа 1914

* * *

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо — всё мимо, мимо...
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

31 августа 1914

З. Н. Гиллиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

АНТВЕРПЕН

Пусть это время далеко,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты — во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломен
Цветы из золота вплелись...

Но всё — притворство, — всё — обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

5 октября 1914

* * *

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

3 декабря 1914

* * *

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.
Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,

Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

3 декабря 1914

* * *

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий пыл,
И она мне сказала: прости.

А душа моя — той же любовью полна,
И минуты с другими отравлены мне,
Та же дума — и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

30 сентября 1915

* * *

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами...

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнею,
Вспоминаю с печалью нездешнею
Всё былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

30 сентября 1915

СОЛОВЬИНЫЙ САД

(1915)

1

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, — и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он, — отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги — прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листья.

Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом — отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, бедный:
«Что, хозяин, раздумался ты?»

Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?

Только всё неотступнее снится
Жизнь другая — моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящем саду?

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решеткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит,
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3

Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночною, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня — таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой,
Убегающей в синюю муть.

И томление все безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна.
Не стучал я — сама отворила
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

5

Пусть укрыла от дольного горя
Утонувшая в розах стена,—
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг — виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
«Что с тобою, возлюбленный мой?»

Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети,—
Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

7

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? — И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движением знакомым
(Или всё еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохиутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, — он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

6 января (14 октября 1915)

* * *

На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затемят случайным весельем
Соиливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915

* * *

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое.—
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

29 февраля 1916

* * *

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрёму,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую — чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916

КОРШУН

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг.—
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездам прочитав ты умел,
Что грядущие ночи — темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот — свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд,—
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста,—
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой.
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Все к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволнениям отдаться спеша,—
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты — железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

9 июня 1916

ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

старушка
старушка
матушка
Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстаёт и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса;
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...—
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол и рад.
Крутит подола,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...

...Обсудили —
Постановили:
На время — д^есять, н^а ночь — двадцать
пять...

...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свишет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Чт^о впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — сигарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Венда Конорис
Свобода, свобода, *преступн.*
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!
— А Ванька с Катькой — в кабаке..
— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат..
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста! *Без креста —*
Катька с Ванькой занята — *все мои*
Чем, чем занята?.. *занимается.*

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни..
Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пуль в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мирвой пожар в крови —
Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Каткою летит —
Електрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!

6

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что́, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революцöнный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

7

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьёца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шею —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой

Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

8

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея...
Скучно!

Не слышно шуму городского,
Над Невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметса шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

...И идут без имени святого
 Все двенадцать — вдаль.
 Ко всему готовы,
 Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
 На незримого врага...
 В переулочки глухие,
 Где одна пылит пурга...
 Да в сугробы пуховые —
 Не утянешь сапога...

В очи бьется
 Красный флаг.

Раздается
 Мерный шаг.

Вот — проснется
 Лютый враг...

И выюга пылит им в очи
 Дни и ночи
 Напролет...

Вперед, вперед,
 Рабочий народ!

...Вдаль идут державным шагом...
 — Кто еще там? Выходи!
 Это — ветер с красным флагом
 Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
 — Кто в сугробе — выходи!..
 Только нищий пес голодный
 Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядишься-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Всё равно тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом,
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Январь 1918

СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Вл. Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома, лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинять
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля 1921

ПРИМЕЧАНИЯ

Избранные стихотворения и поэмы Александра Блока, вошедшие в этот сборник, расположены в хронологической последовательности. В некоторых случаях они помечены двумя датами; вторая дата (в скобках) указывает на время окончательной обработки текста. Извлечения из поэмы «Возмездие» («Когда ты загнан и забит...», «Народ и поэт», «Возмездие», «Два века»), в свое время опубликованные самим Блоком отдельно, в качестве самостоятельных произведений, печатаются по тексту этих публикаций.

Стихотворения и поэмы

«Я стремлюсь к роскошной воле...» (с. 13). — Эпиграф — из стихотворения В. А. Жуковского «Песня» («Счастлив тот, кому забавы...»).

Гамаюн, птица вещая (с. 14). — По разъяснению Блока, стихотворение было внушено ему картиной известного русского живописца В. М. Васнецова (1848—1926), изображающей *Гамаюна* — по древнерусским поверьям, сказочную птицу-вещунью с человеческим лицом. *Трус* — землетрясение.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (с. 16). — Эпиграф из стихотворения В. С. Соловьева «Зачем слова? В безбрежности лазурной...». Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — русский философ, публицист и лирический поэт, идеалист и мистик, оказавший глубокое влияние на некоторых представителей молодого поколения русской интеллигенции конца XIX — начала XX века, в частности — на младших русских символистов и в их числе — на Блока.

«Сумерки, сумерки вешние...» (с. 16). — Эпиграф — из стихотворения А. Фета «В дали огонек за рекою...»

«Бегут неверные дневные тени...» (с. 17). — Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт-символист, племянник В. С. Соловьева, троюродный брат Блока и до 1905 г. один из ближайших его друзей.

Ф а б р и к а (с. 22). — Стихотворение «Фабрика» — одно из наиболее ранних социальных произведений Блока. В 1904 году оно запрещалось цензурой. Настроение «Фабрики» навеяно Блоку впечатлениями от жизни в рабочем районе на Невке (Петербург).

Жолты — Блоковское написание слова «желтый» через «о» отражает своеобразные представления поэта о символике алфавита. В таком написании слово «желтый», по мысли Блока, обозначает не только цвет, но и является символом сытости, грубости, насилия и зла.

«Плачет ребенок. Под лунным серпом...» (с. 23).— **Иванов Евгений Павлович** (1880—1942)— литератор, участник символистских кружков и изданий, самый близкий и душевный друг Блока.

«Из газет» (с. 23).— *Человек с оловянной бляхой на теплой шапке* — городской.

«Поднимались из тьмы погребов...» (с. 25).— Мотив различаемых поэтом в движении людских толп «шагов истории» является одним из основных в лирике Блока. Этот же мотив является ведущим и в революционной поэме Блока «Двенадцать» (1918).

Геенна — ад.

Голос в тучах (с. 25).— Отрывок из незаконченной поэмы «Ее прибытие», которая, по замыслу Блока, была посвящена «несбывшимся надеждам», связанным с переживанием подъема и поражения первой русской революции 1904—1905 гг.

«Барка жизни встала...» (с. 28).— Номер газеты, в которой в 1905 г. появилось это стихотворение, был конфискован полицией.

Осенняя воля (с. 29).— *Рогачевское шоссе* — вблизи Шахматова, усадьбы Бекетовых и Блока.

«Вися над городом всемирным...» (с. 31).— Отклик на опубликованный 18 октября 1905 г. царский манифест о введении в России конституции. Блок считал этот манифест коварным и лживым документом, актом всего лишь самосохранения, а не доброй воли царя. Номер газеты, в котором появилось это стихотворение, был конфискован полицией. *Город всемирный* — Петербург. *Предок царственно-чужбинный* — памятник Петру I (пушкинский Медный Всадник).

Сытые (с. 32).— Отклик на массовые забастовки, происходившие на заводах и предприятиях Петербурга в октябре 1905 г.; в частности, тогда забастовали рабочие и служащие столичной электростанции. *Пергаментные речи* — здесь в переносном значении: сухие, бесстрастные.

«Повесть» (с. 33).— **Чулков** **Георгий Иванович** (1879—1939)— писатель — символист, поэт, прозаик, драматург и критик-литературовед, Блок познакомился и сблизился с Г. И. Чулковым весной 1904 г., поддерживал с ним дружеские отношения до 1908 г.

Сблывейг (с. 35).— По разъяснению Блока, драматической поэмой норвежского писателя Генрика Ибсена (1828—1906) «Пер Гюнт» были «навеваны и женственный образ Сольвейг, и другие образы этого стихотворения». Женское имя *Сольвейг* в буквальном переводе с норвежского означает: «Солнечный путь». **Городецкий** **Сергей Митрофанович** (1884—1967) — поэт и беллетрист, друг Блока, особенно близкий с ним в 1905—1908 гг.

Незнакомка (с. 36).— *Чуть золотится крендель булочной*.— В дореволюционное время вывески булочных украшались золоченым изображением кренделя. *Котелок* — мужская шляпа особого фасона. *Озерки* — дачный пригород Петербурга.

Ангел-Хранитель (с. 37).— Стихотворение обращено к жене поэта — Л. Д. Менделеевой-Блок. Царская цензура в словах «*За то, что хочу и не смею убить*» — усмотрела «воспевание политического убийства» и «возбуждение к тяжким и преступным деяниям»; книжка журнала, где появились стихи Блока, была конфискована, а против издателя возбуждено судебное преследование.

Русь (с. 39).— По разъяснению Блока, «мутный взор колдунa, чарованье злаков, ведьмы и черты в снеговых столбах на дороге,

девушка, точащая под снегом лезвие ножа на изменившего милого,— все это подлинные образы наших поверий, заговоров и заклинаний». *Ведуны* — колдуны, волшебники. *Ворожеи* — гадалки, знахарки.

В октябре (с. 43).— *На юру* — на высоком, открытом месте.

Балаган (с. 45).— Эпиграф — из пьесы А. Дюма (отца) «Кин, или Геней и беспутство». *Кин Эдмонд* (1787—1833) — английский драматический актер, прославившийся в ролях шекспировского репертуара. *Арлекин*, *Пьеро* и *Коломбина* — традиционные персонажи итальянской народной «комедии масок»; в обычных комедийных положениях Арлекин — злоязычный насмешник и пройдоха, Пьеро — его незадачливый товарищ, Коломбина — жена Пьеро и любовница Арлекина.

«Я ухо приложил к земле...» (с. 52).— В рукописи озаглавлено: «Рабочему». Это стихотворение, как и следующее («Тропами тайными, ночными...»), было написано в тот самый день, когда царским манифестом было объявлено о роспуске Государственной думы, после чего правительство перешло к открытой политике жестокого контрреволюционного террора. *Ты роешься, подземный крот!* — Очевидно, отзвук знаменитых слов Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (акт I, сцена 5-я): «Ты славно роешь землю, старый крот!»

«Тропами тайными, ночными...» (с. 53).— *Придут замученные ими...* — Имеются в виду политические жертвы царизма. *Упыри* — по народным поверьям, сказочные оборотни — мертвецы, сосущие кровь живых людей. *Их корабли в пучине водной...* — Отзвук Цусимского сражения (14—15 мая 1905 г.), когда в бою с японским флотом погибла большая часть русской Тихоокеанской эскадры. *Отходная* — молитва, которую читает над умершим священник (иерей). Первоначальная редакция 18-го стиха: «Рабочий сбросит с вольных плеч».

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ (с. 54).

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, прозаик и критик, друживший с Блоком в 1904—1908 гг.

О смерти (с. 54).— *Жокеи* — здесь: наездники, участвующие в скачках на ипподроме. *Ландо* — открытый экипаж. *Сотка* — водочная бутылка (в одну сотую часть ведра).

Над озером (с. 57).— *Шувалово* — дачный пригород Петербурга; здесь, на берегу озера, на крутом склоне холма, расположено кладбище. *Текла* — имя романтической героини в трагедиях Шиллера «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна».

В северном море (с. 60).— *Тальеры* — женские костюмы. *Иеромонах* — монах в сане священника. *Послушник* — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество. *Вольный остров* — один из островов, расположенных в дельте Невы. *Фероньера* — женское украшение для волос. *Сестрорецкий курорт* — под Петербургом, на берегу Финского залива.

В дюнах (с. 62).— *Дюны* — здесь: местность в окрестностях Петербурга, на бывшей границе с Финляндией, на берегу Финского залива.

* * *

«О, весна без конца и без краю...» (с. 64).— *Веси* — с лесия.

«Она пришла с мороза...» (с. 68).— *Пузыри земли*. — В трагедии Шекспира «Макбет» (которая принадлежала к числу ли-

тературных произведений, особенно любимых Блоком) есть такие стихи (акт. I, сцена 3-я):

Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.

Паоло и Франческа — несчастные любовники, жившие в Италии в XII в.; об их трагической судьбе рассказано в «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь 5-я).

«Май жестокий с белыми ночами!» (с. 70). — *Пяст* (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт-символист, друг Блока, порвавший с ним после Октябрьской революции и появления поэмы «Двенадцать».

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ (с. 71). — Битва на Куликовом поле, в районе рек Дона и Непрядвы, происшедшая 8 сентября 1380 г. между войском золотоордынского хана Мамай и ратью московского великого князя Дмитрия Ивановича, прозванного впоследствии Донским, закончилась решительной победой русских и сыграла важную роль в освобождении Руси от татарского ига. По убеждению Блока, Куликовская битва принадлежала к «символическим событиям русской истории», которым «суждено возвращение». Символика Куликовской битвы занимает видное место в кругу размышлений Блока о судьбах современной ему России, о свержении «татарского ига» царизма, о близящейся революции, о взаимоотношениях народа и интеллигенции. *Стяг* — знамя. *Обедня* — церковная служба. Эпиграф к пятому стихотворению — из стихотворения В. С. Соловьева «Дракон».

Друзьям (с. 75). — Эпиграф — из стихотворения А. Н. Майкова «Менестрель».

Россия (с. 77). — *Шляя* — часть конской упряжи.

«О доблестях, о подвигах, о славе...» (с. 79). — *Аналой* — особой формы столик, принадлежность церковного обихода; перед аналоем, в частности, происходит обряд церковного бракосочетания.

«В голодной и больной неволе...» (с. 82). — *Господне лето* — евангельское выражение, обозначающее доброе, счастливое время («Лето господне благоприятно»).

«Дым от костра струею сизой...» (с. 83). — Эпиграф из цыганского романа.

ИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ СТИХОВ

Равенна (с. 84). — *Равенна* — древняя столица Западной Римской империи, расположенная на побережье Адриатического моря; впоследствии пришла в упадок и превратилась в захолустный итальянский городок. *Базилики* — здесь: древние христианские храмы. *Саркофаги* — каменные гробницы. *Галла, или Плакида* — Галла Платидия Августа, жена вестготского вождя Атаульфа, а позже — римского императора Констанция; она правила Западной Римской империей в середине V в., похоронена в Равенне. *Далеко отступило море*. — С древних времен Адриатическое море отступило от Равенны примерно на 7 км. *Теодорих Великий* (456—526) — король остготов, завоевавший Равенну и сделавший ее столицей своего государства; похоронен в Равенне. «*Новая жизнь*» — произведение великого итальян-

янского поэта Данте Алигьери (1256—1321), который провел в Равенне последние годы жизни и похоронен там.

Перуджия (с. 86).— *Перуджия* — городок в Италии, в области Умбрия. *Перуджино* (1446—1524) — итальянский художник эпохи Возрождения, работал в Перуджини. *Франциск Ассизский* (1182—1226) — итальянский монах, один из главных «святых» католической церкви.

«Умри, Флоренция, Иуда...» (с. 86).— *Там, где святой монах сожжен*.— Во Флоренции, на площади Сньории, по приговору церковных властей был повешен и сожжен, как еретик, монах Джироламо Савонарола (1452—1498) — проповедник и общественный реформатор. *Леонардо* — Леонардо да Винчи. *Беато* — Фра Джованни да Фьезоле (1387—1455) — итальянский художник раннего Возрождения. *Медичи* — знатный феодальный род, правивший во Флоренции. *Лилии* — эмблема феодальной Флоренции.

«Флоренция, ты прискрижишь...» (с. 87).— *Кашины* — парк во Флоренции, изобиловавший ирисами.

«Окна ложные и небо черное...» (с. 88).— Написано на мотив итальянской народной песенки, которую Блок услышал во Флоренции.

Madonna da Settignano (с. 90).— *Settignano* (Сеттиньяно) — местечко в Тоскане, области Средней Италии, в окрестностях Флоренции. «Стихотворение это внушил мне бюст синейкой мадонны в желтом платке с цветочками, помещенный под местечком в полуго-ре» (примечание Блока).

«Искусство — ноша на плечах...» (с. 90).— В стихотворении отразился следующий случай: в итальянском городке Фолиньо Блок случайно увидел французский кинофильм, который уже видел за год до того в Петербурге.

Девушка из Spoleto (с. 91).— *Spoleto* — городок в Средней Италии. *Дай, как монаху, взойти на костер...* — Намек на судьбу Джироламо Савонаролы (1452—1498), знаменитого итальянского проповедника и общественного реформатора, по приговору церковного суда повешенного и сожженного на костре по обвинению в «еретичестве». *Лишь, как художник, смотрю за оградой...* — Итальянские художники эпохи Возрождения часто изображали самих себя на своих картинах в качестве свидетелей или участников происходящего. *Херувим* — ангел высшего чина.

«Снега» (с. 91).— *Сиена* — древний город в средней Италии.

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ (с. 92).— Стихи этого цикла, написанного в основном в 1909 г. в *Бад Наугейме* (курорт в Германии), посвящены воспоминанию о «первой любви» к Ксении Михайловне Садовской (1862—1925), пережитой поэтом там же, в Бад Наугейме, в 1897 г. *Градири* — высокие деревянные клетки, набитые хворостом, который пропускает сквозь себя ветер и механически приводимую в движение соленую воду; назначение градирей — насыщать воздух солью в лечебных целях. *Лес девичий* (нем. Frauenwald) — парк в Бад Наугейме. *Хохлушка* — украинка. *Елагин остров* — парк в Петербурге, где в 1898—1900 гг. встречались Блок и К. М. Садовская. *Синий призрак умершей любовницы...* — До Блока дошел ложный слух о смерти К. М. Садовской.

«Все это было, было, было...» (с. 96).— *Возлюбленная поляна* — Шахматово, подмосковная усадьба Блока. *Дожи* — прави-

тели Венецианской республики с 697 по 1797 г. *Калита* — Иван I Данилович, по прозванию Калита, великий князь Московский, первый собиратель Русской земли (княжил в 1328—1341 гг.).

На островах (с. 98). — *Елагин мост* — в Петербурге.

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» (с. 100). — *Ермак* (ум. в 1584 г.) — казачий атаман, сыгравший выдающуюся роль в освоении Сибири, герой народных песен и сказаний. *Чудь и Меря* — древние племена, жившие в районе рек Онега и Северная Двина в области Верхнего Поволжья. *Царьградские святыни* — христианские памятники древнего Царьграда (Константинополя, впоследствии турецкого Стамбула).

Из смерти Комиссаржевской (с. 101). — *Комиссаржевская Вера Федоровна* (1864—1910) — русская драматическая актриса, пользовавшаяся громадным успехом в демократических кругах, особенно среди молодежи. Блок, высоко ценивший замечательное дарование актрисы, сказал, что «с Комиссаржевской умерла личностическая нота на сцене». *Серафимы* — высшие ангелы христианской мифологии. *Склеп* — могилы. *Камень бел-горючий, плакун-трава* — образы русских народных поверий, сказок и песен. *Тризна* — помиинки по умершему.

Голоса скрипок (с. 102). — *Иванов Евгений Павлович* (1879—1942) — литератор, самый близкий, задушевный и верный друг Блока.

В ресторане (с. 103). — *Аи* — марка шампанского.

Демон (с. 104). — По разъяснению Блока, стихотворение было написано под впечатлением смерти выдающегося русского художника М. А. Врубеля (1856—1910), создавшего несколько вариантов картины «Демон» (в том числе «Демон поверженный», который имеется в виду в стихах Блока), и содержит «намек» на «связь демонов Лермонтова и Врубеля». *Зурна* — восточный музыкальный инструмент вроде гобоя. *Тамара* — героиня поэмы Лермонтова «Демон».

«Как тяжело ходить среди людей...» (с. 104). — Эпиграф — из стихотворения А. Фета «Когда читала ты мучительные строки...»

На железной дороге (с. 105). — Блок охарактеризовал это стихотворение как «бессознательное подражание» одному из эпизодов в романе Льва Толстого «Воскресение»: «Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне вагона Нехлюдова в бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса». *Иванова Мария Павловна* (1874—1941) — сестра Е. П. Иванова, друга Блока, по профессии — врач. *Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели...* — В дореволюционное время в России вагоны I класса окрашивали в синий цвет, II класса — в желтый, III класса — в зеленый. *Жандарм* — чин военной полиции.

«В огне и холоде тревог...» (с. 106). — Обращено к единственной сестре поэта — Ангелине Александровне Блок (1892—1918), дочери А. Л. Блока от второго брака. *У гроба*. — Блок впервые встретился с сестрой на похоронах отца в Варшаве, в декабре 1909 г. *Фант* — вещь, предмет, значок, который отдаёт в залог участвующий в игре «в фанты».

«Кометы» (с. 107). — В 1910 г. много говорили и писали о появлении кометы Галлея, якобы угрожающей существованию Земли. Появление кометы глубоко взволновало Блока. О ней он писал в письмах, записных книжках, во вступлении к первой главе поэмы

«Возмездие». *Матчиш* — популярный в 1900-е годы танец. *Симлон* — знаменитый туннель в Альпах (Швейцария).

«Когда ты загнан и забит...» (с. 111). — Извлечение из третьей главы поэмы «Возмездие».

Народ и поэт (с. 112). — Пролог поэмы «Возмездие». *Зигфрид* — герой древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах». *Нотунг* — волшебный меч Зигфрида; после того как Зигфрид заново сковал расколотый в бою Нотунг, злой карлик *Миме*, желавший завладеть мечом, пытался убить Зигфрида, но сам пал от его руки. *Вот — голову его на блюде царю плясунья подает...* — Имеется в виду библейская легенда о царевне Саломее, потребовавшей у галилейского царя Ирода-Антипы, в награду за пляску, голову непокорного пророка Иоанна Крестителя. *Притвор* — передняя часть церкви. *Денница* — упоминаемый в Библии падший ангел, — он был свергнут за гордыню и злость. *Угль превращается в алмаз...* — Речь идет об искусственном образовании алмаза из угля; в конце XIX — начале XX в. вопрос этот широко обсуждался в научных кругах.

Возмездие (с. 114). — Вступление во II главу поэмы «Возмездие». *Победоносцев* Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Синода (высшего церковного учреждения царской России), влиятельнейший сановник, идеолог самодержавия, поповщины, черносотенства и полицейского режима, вдохновитель реакционной политики царизма в 80-е годы. *Куранты* — здесь: часы с музыкальным боем, установленные на колокольне собора в Петропавловской крепости. *Острова* — парк в Петербурге, расположенный на островах невольской дельты. *Востока страшная зarya...* — то есть предвстие русско-японской войны 1904 г. *Царь* — огромный, водянистый — Александр III. *«Князь»* — в дореволюционное время распространенная кличка татарина-старьевщика. *Сфинкс* — один из двух фиванских (древнегреческих) сфинксов, установленных на вассалеостровской набережной Невы, возле Академии художеств. *Державный Основатель* — Петр I. *Фрегат* — военный парусный корабль. *Артур и Цусима*. — Имеются в виду героическая оборона крепости Порт-Артур и морское сражение в Цусимском проливе во время русско-японской войны 1904—1905 гг. *Девятое января* — «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., когда в Петербурге по приказу властей была расстреляна мирная демонстрация рабочих и их семейств.

Два века (с. 117). — Вступление в I главу поэмы «Возмездие». *Материалистских* — здесь: материальных, узко-практических, корыстных. *Нейрастения* — старинная форма произношения слова «неврастения». *Сплин* — тоска, хандра. *Доктрина* — здесь: учение, система взглядов. *Спич* — приветственная застольная речь. *Акция* — доля в капитале торгово-промышленного или финансового предприятия. *Рента* — нетрудовой доход с денежного капитала или с земли. *Рекламье* Юлия-Аделаида (1777—1849) — знаменитая в свое время француженка, красавица и умница, собиравшая в своем парижском салоне многих выдающихся людей Франции. *Равенство и братство* — лживый лозунг буржуазной демократии, заимствованный буржуазными идеологами у французских революционеров XVIII в. *Интенданты* — военно-хозяйственные чиновники, среди которых было широко распространено лихоимство и взяточничество. *Роланд* — отважный рыцарь, герой французского средневекового эпоса «Песнь о Роланде». *Люцифер* — одно из библейских прозвищ дьявола. *Кометы грозной и хвостатой...* — В 1910 г. много говорили и писали о прибли-

жении кометы Галлея, которая якобы угрожала существованию Земли. *Безжалостный конец Мессины...*— В 1908 г. южноитальянский город Мессина был разрушен сильнейшим землетрясением.

«Да. Так диктует вдохновение...» (с. 119).— В первый раз было напечатано под заглавием: «Современнику». *Ты видел ли детей в Париже?*— В 1911 г., во время заграничной поездки, Блок с особой остротой ощутил резкие противоречия буржуазно-капиталистического строя. В одном из писем из Парижа он писал: «В сожженных скверах масса детей — бледных, с английской болезнью. Все лица — или приводящие в ужас (у буржуа), или хватающие за сердце напряженностью и измученностью».

«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...» (с. 120).— Вариация на тему знаменитой баллады североамериканского поэта Эдгара По (1809—1849) «Ворон», откуда и взят эпиграф (в переводе В. Брюсова).

«Шар раскаленный, золотой...» (с. 122).— *Садовский* Борис Александрович (1881—1945) — поэт, беллетрист, критик и историк литературы, примыкавший к символистам.

«Благословляю все, что было...» (с. 123).— Стихотворение было написано в качестве заключения к «Собранию стихотворений», третья, последняя книга которого называлась «Снежная ночь».

Авиатор (с. 123).— В рукописи посвящено памяти В. Ф. Смита — одного из первых русских летчиков, разбившегося на глазах у Блока 14 мая 1911 г. во время «Авиационной недели», собиравшей множество пресыщенной буржуазной публики. Блок, сильно увлеченный первыми успехами авиации, утверждал, что шум пропеллера «ввел в мир новый звук», и что в «полетах людей, даже неудачных, есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно — высокое». *Летун* — в народном языке: огненный змей, летучий дух. *Львица* — в буржуазном просторечии: модная светская дама.

Шаги Командора (с. 125).— Вариация на тему общеевропейской легенды об испанском дворянине Дон-Жуане, безбожнике и распутнике, обольстившем благочестивую дочь (по другим источникам — вдову) Командора Дониу Анну и поплатившемся за это жизнью. Данный сюжет разработан во множестве произведений мировой литературы и искусства, в том числе в пьесах Тирсо де Молины и Мольера, в опере Моцарта, поэме Байрона, «Камениом госте» Пушкина, повестях Гофмана, Мериме и Мюссе, драматической поэме А. К. Толстого. У Блока этот бродячий сюжет приобрел совершенно новое звучание. *Зоргенфрей* Вильгельм Александрович (1882—1938) — поэт и переводчик, друг Блока.

«Как тяжело мертвецу среди людей...» (с. 126).— Заглавное стихотворение из цикла «Пляски смерти», в котором Блок с особенной художественной силой выразил свое ощущение «страшного мира» капиталистической действительности как мира духовных мертвецов, обреченных на исчезновение.

Сны (с. 130).— В стихотворении есть отражение «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина.

Песня Гаэтана (с. 131).— Извлечена из драмы Блока «Роза и Крест», написанной на материале французского средневековья. Гаэтан — один из центральных героев драмы, бродячий рыцарь, сочинивший «туманиную песню» о том, что и страданье может стать для человека радостью.

«Милый друг, и в этом тихом доме...» (с. 133).— *Азраил* — ангел смерти в восточной мифологии.

Седое утро (с. 134).— Эпиграф — из стихотворения И. С. Тургенева «В дороге», которое стало популярным «цыганским романсом».

Художник (с. 135).— *Сирины* — в русском фольклоре и в древнерусской литературе сказочные райские птицы, символизирующие радость и счастье.

Новая Америка (с. 136).— В этом стихотворении отразилась увлекавшая Блока идея «Великого возрождения» России «под знаком мужественности и воли», залог которого он видел, между прочим, в подъеме и развитии национальной промышленности, в частности — горнозаводской. *Новая Америка* в понимании Блока — это поэтический образ будущего мира «нового света», «Великой Демократии», будущей России, которой предстоит сыграть решающую, всемирно-историческую роль в жизни человечества. *Ладан* — ароматическая смола, которую курят при религиозных служениях. *Ектенья* — один из разделов православного богослужения. *Дьякон* — в православной церкви священнослужитель низшего чина. *Орарь* — принадлежность дьяконского облачения (длинная лента, перекинутая через плечо). *Крепь* — здесь: крепость, неприступное место. *Феска* — турецкая шапка красного цвета. *Варяги* — норманское племя, из среды которого, по летописному преданию, происходили первые русские князья. *Половцы* — тюркский народ, в XI—XII вв. враждовавший с Киевской Русью. *Бунчук* — конский хвост на древке, знак власти турецких пашей (также и украинских гетманов). *Мессия* — религиозный образ ожидаемого народом избавителя, «спасителя».

«Я — Гамлет. Холодеет кровь...» (с. 140).— Принц Гамлет (в трагедии Шекспира), павший жертвой коварства и вероломства, был заколот отравленной шпагой. *Офелия моя* — Л. Д. Менделеева-Блок, жена поэта.

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» (с. 141).— В августе 1911 г. во французский порт Аберврак (на бретонском побережье Атлантического океана), где жил тогда Блок с женой, вошла французская военная эскадра: политическое положение в Европе в то время было крайне напряженным, и Блок истолковал появление эскадры как предзнаменование близящейся мировой войны. *Кильватерная колонна* — походный строй военных кораблей, когда они идут гуськом, один за другим.

«Вновь богатый зол и рад...» (с. 141).— В первый раз было напечатано в 1915 г. без третьей и четвертой строф, вычеркнутых цензурой.

КАРМЕН (с. 143).— Стихи этого цикла были написаны под впечатлением встречи и знакомства с Любовью Александровной Андреевой-Дельмас — оперной актрисой, обратившей на себя внимание талантливым исполнением партии Кармен (*Карменситы*) в одноименной опере Ж. Бизе на сцене петербургского Театра музыкальной драмы. *Ланиты* — щеки. *Хитон* — широкая одежда, распространенная в древности. *Цунига, Хозе, Эскамильо* — лица, действующие в опере «Кармен». *Лиллас-Пастья* — трактирщик, о котором упоминается в либретто оперы «Кармен». *Сегидилья* — испанская песня и танец. *Таль* — здесь: отпелый. *Иерей* — священник. *Треба* — богослужение. Курсивом в 4-м, 6-м и 9-м стихотворениях выделены цитаты из либретто оперы «Кармен». В 6-м стихотворении — воспоминание о первой

встрече с Л. А. Дельмас, когда она, на этот раз не участвуя в спектакле, находилась в зрительном зале. В 7-м стихотворении речь идет о сувенирах, которые Блок хранил в память о встречах с Л. А. Дельмас (ветки вербы, ячменные колосья, розы).

«Грешить бесстыдно, непробудно...» (с. 149).— *Оклад* — металлическое (чаще всего серебряное или позолоченное) украшение на иконе. *Купоны* — отрезные талоны ценных бумаг (акций), дающие право на получение доходов в виде процентов.

«Петроградское небо мутилось дождем...» (с. 150).— *Эшелон* — воинский поезд. «*Варяг*» и «*Ермак*» — популярные народные песни. *Галицийские поля* — в Галиции (входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи) в 1914 г. происходили кровопролитные сражения между русскими и австро-германскими войсками.

«Рожденные в года глухие...» (с. 151).— *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, беллетрист и критик, видная представительница русского символизма; с 1920 г. белоэмигрантка, заклятый враг Октябрьской революции и Советской России. *Дни войны и дни свободы* — русско-японская война и революционные события 1904—1905 гг.

«Антверпен» (с. 151).— *И за морем крови...* Осенью 1914 г., в начале первой мировой войны, Антверпен, как и вся Бельгия, стал ареной кровопролитных сражений. *Эско* — французское название реки Шельды, на берегах которой расположен Антверпен. *Стимер* — корабль. *Квентин Массис*, вернее: Массейс (1466—1530) — художник нидерландского Возрождения.

«Я не предал белое знамя...» (с. 152).— *Звезда Вифлема* — по евангельской легенде, звезда, возвестившая о рождении Иисуса Христа и указавшая путь в Вифлеем — место рождения «мессии».

«Протекли за годами года...», «За горами, лесами...» (с. 153).— Эти стихотворения обращены к Л. Д. Блок, которая в 1915 г. работала сестрой милосердия в районе военных действий (в Галиции).

Соловьиный сад (с. 154).— В пейзаже этой поэмы отразились воспоминания Блока о французской деревушке Гётари (на Бискайском побережье Атлантического океана, неподалеку от границы с Испанией), где он жил летом 1913 г.: в Гётари была вилла, с ограды которой свешивались вьющиеся розы; на скалистом берегу океана Блок часто встречал каменотеса с ослом и киркой; подолгу наблюдал на берегу за крабами. *Дольнее* (горе) — здесь в смысле: земное. *Чарый* (сумрак) — прилагательное от чары (очарование). *Спруты* — осьминоги, морские моллюски-хищники, подстерегающие добычу среди подводных скал и камней.

«Дикий ветер...» (с. 159).— *Заутреня* — ранняя церковная служба.

Двенадцать (с. 162).— *Вития* — красноречивый оратор (здесь с ироническим оттенком). *Бубновый туз* — красный или желтый лоскут (в форме карточного туза), который нашивался на спину одежды осужденных на каторгу. *Керенки* — распространенное название (по фамилии министра Керенского) бумажных денежных знаков, выпущенных в 1917 г. Временным правительством. *Кондовая* — старинная, прочная, основательная. *Юнкерье* — презрительная кличка

юнкеров, в царской России воспитанников военных юнкерских училищ, в 1917 г. служивший «опорой» Временного правительства. *Неслышно шуму городского, // Над Невской башней тишина...*— Несколько измененные начальные слова популярного народного романса, литературным источником которого послужило стихотворение поэта пушкинской поры Федора Глинка «Узник». *Невская башня*— здание бывшей Городской думы на Невском проспекте в Петрограде. *Вперед, вперед, вперед, рабочий народ*— слова известной революционной песни «Варшавянка» (автор— Г. М. Кржижановский).

С к и ф ы (с. 173).— Эпиграф— из стихотворения В. С. Соловьева «Панмонголизм». *Скифы*— кочевой воинственный народ, населявший в древности причерноморские степи. *Панмонголизм*— поддержанная поэтом и философом В. С. Соловьевым реакционная теория неотвратимого якобы столкновения европейского Запада с объединенными силами азиатского Востока, угрожающего самому существованию западной культуры. У Блока эта идея переосмыслена в плане противопоставления революционной Советской России буржуазно-капиталистическому Западу. *Провал и Лиссабона, и Мессины*— Дважды, в XIV и в XVIII вв., столица Португалии город Лиссабон был до основания разрушен землетрясением; в 1908 г. такой же участи подвергся южноитальянский город Мессина. *Пестум*— древнегреческая колония в Южной Италии, разгромленная в конце IX в. сарацинами (арабами). *Эдип*— по древнегреческому сказанию, сын фиванского царя, сумевший разгадать загадку, загаданную злым чудовищем Сфинксом, и тем самым спасший Фивы от уничтожения. *Галльский*— французский. *Кельн*— большой промышленный город в Западной Германии. *Интеграл*— математический термин. *Гунн*— представитель тюркского племени, которое в IV в. прошло с огнем и мечом через юг России и Западную Европу; в переносном смысле— варвар, безжалостно уничтожающий культурные ценности.

Пушкинскому Дому (с. 175).— Последнее стихотворение Блока, написанное за несколько дней до торжественного вечера памяти Пушкина в 84-ю годовщину со дня его смерти (11 февраля 1921 г.), на котором Блок выступил с вдохновенной речью «О назначении поэта». *Пушкинский Дом*— сперва мемориальный музей А. С. Пушкина, ныне— литературный научно-исследовательский институт Академии наук СССР. *Торжественная река*— Нева. *Древний сфинкс*— См. выше, с. 183. *Всадник бронзовый*— памятник Петру I (Пушкинский Медный Всадник). *Тайная свобода*— выражение Пушкина в стихотворении «К Н. Я. Плюсковой»:

Любовь и тайная свобода
Внушили сердцу гимн простой;
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Площадь Сената— бывшая Сенатская площадь (ныне— площадь Декабристов), с которой видно на противоположном берегу Невы главное здание Академии наук, где в 1921 г. помещался Пушкинский Дом.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Ж а к о в. О поэзии Александра Блока . . .	3	Фабрика	22
Стихотворения и поэмы		«Плачет ребенок. Под лун- ным серпом...»	23
«Я стремлюсь к роскошной воле...»	13	Из газет	—
«В ночи, когда уснет тре- вога...»	—	«Ветер хрипит на мосту меж столбами...»	24
Гамаюн, птица вещая . . .	14	«Поднимались из тьмы по- гребов...»	25
Servus — Regiſſae	—	Голос в тучах	—
«За краткий сон, что нын- че снится...»	15	«В кабаках, в переулках, в извивах...»	27
«Ветер принес издалёка...» .	—	«Барка жизни встала...» .	28
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»	16	«Я вам поведал незем- ное...»	—
«Сумерки, сумерки веш- ние...»	—	Осенняя воля	29
«Встану я в утро туман- ное...»	17	«Там, в ночной завываю- щей стуже...»	30
«Бегут неверные дневные тени...»	—	«Девушка пела в церков- ном хоре...»	—
«Мы живем в старинной келье...»	18	«Утихает светлый ветер...»	31
«Мы встречались с тобой на закате...»	—	«Вся над городом все- мирным...»	—
«Вхожу я в темные хра- мы...»	—	Сытые	32
«Погружался я в море клевера...»	19	«Шли на приступ. Прямо в грудь...»	33
«Мне снились веселые ду- мы...»	—	Повесть	—
«Ты из шопота слов ро- дьясь...»	—	Сольвейг	35
«Просыпаюсь я — и в поле туманно...»	21	Незнакомка	36
«Скрипка стонет под го- рой...»	—	Ангел-хранитель	37
Рассвет	22	Русь	39
		«Предвечернюю порою...» .	40
		«Шлейф, забрызганный звез- дами...»	41
		Холодный день	42
		В октябре	43
		«Так окрыленно, так на- певно...»	44
		Окна во двор	45
		Балаган	—

«Хожу, брожу понурый...»	46	«Я пригвожден к трактир-	
На чердаке	47	ной стойке...»	78
«Я был смущенный и ве-		Королевна	—
селый...»	49	«О доблестях, о подвигах,	
«Я в дольний мир вошла,		о славе...»	79
как в ложу...»	—	Осенний деиь	80
Крылья	50	«Под шум и звон однооб-	
Ее песни	51	разный...»	81
В углу дивана	—	«Так. Буря этих лет прош-	
«Я ухо приложил к земле...»	52	ла...»	—
«Тропами тайными, ноч-		«В голодной и больной не-	
ными...»	53	воле...»	82
Вольные мысли		«Уж вечер светлой поло-	
О смерти	54	сою...»	—
Над озером	57	«Когда я прозревал впер-	
В северном море	60	вые...»	83
В дюнах	62	«Дым от костра струю	
«В густой траве пропа-		сизой...»	—
дешь с головой...»	63	Из «Итальянских стихов»	
«Когда в листве сырой		Равенна	84
и ржавой...»	64	Перуджия	86
«О, весна без конца и без		Флоренция	—
краю	—	1. «Умри, Флоренция,	
«Работай, работай, рабо-		Иуда...»	—
тай...»	65	2. «Флоренция, ты нрнс	
«Приявший мир, как звон-		нежный...»	87
кий дар...»	66	3. «Страстью длинной,	
«Гармоника, гармоника!..»	67	безмятежной...»	—
«Когда вы стоите на моем		4. «Жгут раскаленные	
пути...»	—	камни...»	88
«Она пришла с мороза...»	68	5. «Окна ложные на не-	
«Я помню длительные		бе черном...»	—
муки...»	69	6. Под зноем флорен-	
«Свирель запела на мос-		тийской лени...»	—
ту...»	69	7. «Голубоватым ды-	
«Май жестокий с белыми		мом...»	89
ночами!..»	70	Madonna da Settignano	90
На поле Куликовом		«Искусство — ноша на	
1. Река раскинулась		плечах...»	—
Течет, грустит лениво...»	71	Девушка из Spoleto	91
2. «Мы, сам-друг, над		Сиена	—
степью в полночь ста-		Через двенадцать	
ли...»	72	лет	
3. «В ночь, когда Мамай		1. «Всё та же озерная	
залег с ордою...»	72	гладь...»	92
4. «Опять с вековой		2. «В темном парке под	
тоскою...»	73	олхой...»	—
5. «Опять над полем Ку-		3. «Когда мучительно	
ликовым...»	74	восстали...»	93
Друзьям	75	4. «Снеокая, бог тебя	
Поэты	76	создал такой...»	—
Россия	77		

5. «Бывают тихие мину- ты...»	94	«Земное сердце стынет вновь...»	121
6. «В тихий вечер мы встречались...»	—	«Ветер налетит, завоюет снег...»	122
7. «Уже померкла яс- ность взора...»	95	«Шар раскаленный золо- той...»	—
8. «Все, что память сбе- речь мне старается...»	96	«Благословляю всё, что было...»	123
Утро в Москве	—	Авиатор	—
«Все это было, было, бы- ло...»	—	Шаги Командора	125
«Поздней осенью из гава- ни...»	—97	«Как тяжело мертвецу сре- ди людей...»	126
На островах	98	«Приближается звук. И, покорна щемящему зву- ку...»	127
Сусальный ангел	99	«И вновь — порывы юных лет...»	128
«С мирным счастьем по- кончены счеты...»	100	«Миры летят. Года летят. Пустая...»	—
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..»	—	«Есть минуты, когда не тревожит...»	129
На смерть Комиссаржев- ской	101	«Ночь, улица, фонарь, ап- тека...»	130
Голоса скрипок	102	Сны	—
«Дух приятный марта был в лунном круге...»	—	Песня Газтана	131
В ресторане	103	К музе	132
Демон	104	«Милый друг, и в этом ти- хом доме...»	133
«Как тяжело ходить среди людей...»	—	Седое утро	134
На железной дороге	105	«Я вижу блеск, забытый мною...»	135
«Там неба осветленный край...»	106	Художник	—
«В огне и холоде тревог...»	—	Новая Америка	136
Комета	107	«Ты говоришь, что я дрем- лю...»	138
«Идут часы, и дни, и го- ды...»	108	«Есть игра: осторожно войти...»	139
«В неуверенном, зыбком полете...»	109	«О, я хочу безумно жить...»	140
Три послания	—	«Я — Гамлет. Холодеет кровь...»	—
1. «Все помнит о весле вздыкающем...»	110	«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»	141
2. «Черный ворон в сум- раке снежном...»	—	«Вновь богатый зол и рад...»	—
3. «Знаю я твое льсти- вое имя...»	111	«Как день, светла, но не- понятна...»	142
«Когда ты загнан и за- бит...»	—	Кармен	143
Народ и поэт	112	1. «Как океан меняет цвет...»	—
Возмездие	114	2. «На небе — прázелень, и месяца осколок...»	—
Два века	117	3. «Есть демон утра.	—
«Да. Так диктует вдох- новенье...»	119		
Испанке	120		
«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»	—		

Дымно-светел он...»	143	«Рожденные в года глу-	
4. «Бушует снежная вес-		хие...»	151
на...»	144	Антверпен	—
5. «Среди поклонников		«Я не предал белое зна-	
Кармен...»	—	мя...»	152
6. «Сердитый взор бес-		«Он занесен — сей жезл	
цветных глаз»	141	железный...»	152
7. «Вербы — это весен-		«Протекли за годами	
няя таль...»	145	года...»	153
8. «Ты — как отзвук за-		«За горами, лесами...»	—
бытого гимна...»	146	Соловьиный сад	154
9. «О да, любовь вольна,		«На улице — дождик и	
как птица...»	147	слякоть...»	158
10. «Нет, никогда моей,		«Превратила всё в шутку	
и ты ничьей не бу-		сначала...»	159
дешь...»	—	«Дикий ветер...»	—
«Я помню нежность ва-		Коршун	160
ших плеч...»	148	«Ты твердишь, что я холо-	
«Грешить бесстыдно, ис-		деи, замкнут и сух...»	161
пробудно...»	149	Двенадцать	162
«Была ты всех ярче, вер-		Скифы	173
ней и прелестней...»	—	Пушкинскому дому	175
«Петроградское небо му-		<i>Прилечения</i>	177
тилось дождем...»	150		

Александр Александрович Блок

Стихотворения и поэмы

Редактор Г. Т. Терентьева. Художник А. В. Ружо. Художественный редактор О. И. Ромашов. Технический редактор В. Н. Жук. Корректоры Г. Д. Зинченко, Л. Ф. Савицкая.

ИБ № 1237

Подписано в печать с матриц 31.01.80. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 9,34. Тираж 500 000 экз. Заказ 443. Цена 75 к.

Издательство «Народная асвета» Госкомиздата БССР. 220600 Минск, Парковая магистраль, 11.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Госкомиздата БССР. 220827 Минск, Красная, 23.

